

A H O H U M Y C

КАМЕНЬ
ПОГЛАБИЯ

АНОНИМУС

АНОНИМУС
Камень погибели

«СОЮЗ»

2022

АНОНИМУС

Камень погибели / АНОНИМУС — «СОЮЗ»,
2022 — (АНОНИМУС)

ISBN 978-5-6046711-9-1

Старший следователь Следственного комитета Орест Волин берется за расследование кражи в доме известного коллекционера китайского фарфора. Среди украденных вещей – китайский болванчик Будда Милэ, который не отличается особой ценностью, но превосходит размерами другие украденные предметы из редкой коллекции. В ходе розыскных действий Орест Волин узнает о знаменитом китайском алмазе «Слеза Будды», по легенде обладавшем огромной магической силой. В 1911 году алмаз был украден и переправлен за границу именно в таком китайском болванчике. Маловероятно, что алмаз до сих пор скрыт в фигурке, но теперь кому-то понадобилось бывшее хранилище сокровища. Кому и для чего? Тем временем старый знакомый Волина, генерал Воронцов, находит в дневниках надворного советника Загорского историю алмаза. И Волин берется за дневник, который рассказывает о событиях, происходящих в Китае и Тибете в 1914 году... Продолжение проекта АНОНИМУС погрузит вас в атмосферу Востока начала XX века, богатого на шпионские истории и дипломатические хитрости. Но главная загадка – кто же скрывается за псевдонимом автора?

ISBN 978-5-6046711-9-1

© АНОНИМУС, 2022

© СОЮЗ, 2022

Содержание

Пролог. Старший следователь Волин	6
Глава первая. Мастер английского бокса	13
Глава вторая. Своекорыстный заморский дьявол	18
Глава третья. Близкое знакомство с карликами	24
Глава четвертая. Птичка из вагона-ресторана	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

АНОНИМУС

Камень погибели

© АНОНИМУС. Текст, 2022
© Исаев Д.А. Оформление, 2022
© ИД СОЮЗ, 2022
© ИП Воробьев В.А., 2022
© ООО «ЛитРес», 2022

Пролог. Старший следователь Волин

Коротко стриженный пухлый человек, сидевший напротив Волина, нервно заерзал, скроил отчаянную физиономию и закатил глаза к потолку с золотой лепниной.

– Ну откуда же мне знать, кто мог интересоваться моей коллекцией? – воскликнул он плачущим голосом. – Это уникальное собрание, другого такого во всей России нет! Да люди бредили моей коллекцией, ей кто угодно мог интересоваться, кто угодно, вы слышите?!

Волин вздохнул – он не любил растолковывать очевидные вещи. Тем не менее пришлось объяснить, что речь идет не о ценителях фарфора вообще, а о тех, кто хотел рыбинской коллекцией завладеть. Например, пытался купить ее целиком или приобрести какие-то отдельные предметы, входящие в собрание.

– Да многие пытались, многие, меня вся Россия знает, – сердито отвечал собеседник, нервно дергая себя за лацкан элегантного серого пиджака от Армани. – Вы что, хотите, чтобы я серьезных людей оклеветал? Вы понимаете, что со мной за это могут сделать?

Волин понимал. Как говорится, художника обидеть может каждый, материально помочь – никто. А коллекционер у нас – вроде художника, его тоже очень хочется обидеть. Притом чем он богаче, тем больше хочется. И для этого совершенно не надо быть серьезным человеком. Даже самые несерьезные люди, если дать им в руки обрезок трубы, могут устроить такой бой быков, что никаким пикадорам не снилось.

Пока Волин думал, пухлый ерзал в кресле и враждебно посматривал на следователя. Нельзя сказать, чтобы Оресту Витальевичу такой взгляд сильно нравился. Можно даже сказать, что совсем не нравился ему этот взгляд. Между нами говоря, сидящий напротив пухлый ему вообще был глубоко несимпатичен. Откуда нам знать, что он за человек? Может, и хорошо, что его ограбили. Может, он это заслужил. Может, это кара небесная, почему нет?

Неизвестно, что бы еще надумал следователь в адрес несимпатичного пухляка, но, к счастью, вовремя спохватился. Кара там или не кара, но рассуждать так было не профессионально. Именно поэтому Орест Витальевич решил мыслить объективно. Во-первых, будем считать, что пухлый наш – на самом деле никакой не пухляк, а потерпевший. Во-вторых, у потерпевшего есть имя, фамилия и даже отчество, а именно – Тимофей Михайлович Рыбин. Исходя из этого, и будем двигаться дальше.

– Тимофей Михайлович, – мягко сказал следователь, – вы же понимаете, что найти предметы из вашей коллекции – в наших общих интересах.

При этих словах Рыбин насторожился и остро взглянул на собеседника через золотую оправу: какие это у нас с вами, уважаемый, могут быть общие интересы?

– Ну, вы получите назад дорогостоящие вещи, а я... я, ну, скажем, не получу по шее от начальства, – отвечал Волин. – Такое объяснение вас устроит?

Рыбин проворчал, что его устроит все, но при одном условии – если Следственный комитет как можно быстрее найдет и вернет ему его драгоценные экспонаты. Вот только для этого искать надо, милейший, искать, а не разговоры разговаривать.

Дальнейшая беседа велась примерно по той же скучной схеме: все сводилось к тому, что они вот тут неизвестно о чем дискутируют, а драгоценную коллекцию, может быть, как раз перевозят через границу, чтобы пополнить ею закрома какого-нибудь арабского или японского миллиардера.

– Скажите, а почему не сработала сигнализация? – внезапно перебил собеседника Волин. Конечно, по логике, спросить об этом надо было в самом начале, но самые важные вопросы Орест Витальевич предпочитал задавать в неожиданный момент. – Как ее отключили?

– А никак, – насупился Рыбин. – Это навороченная супер-пупер сигнализация, и без кода отключить ее невозможно, просто немыслимо.

Интересненько получается... Тогда почему же эта супер-пупер сигнализация все-таки не сработала?

– Она сработала, – угрюмо признался коллекционер. – Но в здании, где расположен пульт наблюдения, как раз перед ограблением заложили бомбу. Пока персонал эвакуировали, как раз и ограбили мою квартиру.

Волин удивился. Он не знал, что так легко заложить бомбу в полицейском участке или в здании Росгвардии. В ответ на это Тимофей Михайлович сварливо объяснил, что, во-первых, бомбы там никакой не было, а был просто звонок о минировании.

– А во-вторых?

Во-вторых, Рыбин имел дело с частным охранным предприятием. Волин опять удивился, второй уже раз за сегодня. И, между нами говоря, было чему удивляться. Дорогую коллекцию охраняет не полиция, не Росгвардия, а всего-навсего ЧОП? Оресту Витальевичу такой выбор показался странным.

– Ничего странного, – окрылся Рыбин. – Просто ЧОПы мобильнее госструктур. Те пока раскочуются, грабители уже всю квартиру вынесут вместе с жильцами. А частники в клиентах заинтересованы кровно и пошевеливаются быстрее.

Следователь кивнул: ну, теперь все ясно, горе от ума. Имел бы наш дорогой Тимофей Михайлович дело с государством, может, ничего бы страшного и не случилось. Но говорить об этом потерпевшему не стал – он, потерпевший, и без того чуть на потолок не лез.

Видя, что проку от расстроенного коллекционера пока мало, следователь попросил разрешения скачать фотографии и описание пропавших экспонатов, откланялся и двинул на службу. Рыбин все требуемое предоставил, но вдогонку все-таки пообещал пожаловаться начальству. Волин, по его мнению, делал не то и не так, и только затягивал следствие.

«Вот бывают же такие говнистые персонажи: ты еще и расследование толком не начал, а они уже жалобу начальству накатать готовы, – в сердцах думал Волин, покидая просторную, богато меблированную квартиру Рыбина.

Кстати сказать, встает законный вопрос: почему у скромных коллекционеров такие квартиры, какие и не снились работникам Следственного комитета? Речь, конечно, о рядовых работниках, а не о начальстве – у тех еще и не такое жилье имеется. Может быть, он, Волин, не за ту работу взялся? Может быть, ему нужно встать на тяжелую и очень нужную для государства стезю коллекционера? Вот только что бы такого начать собирать? Старые стулья, потроха, коробочки от ваксы? Наверняка все это можно будет очень выгодно толкнуть где-нибудь на аукционе, на «Сотбис» или «Кристис» – там дураков-то, поди, много, а потрохов мало...

– Ну, что там с потерпевшим? – спросил полковник Щербаков, когда Волин явился к нему с отчетом.

– Крайне подозрительный пухляк, – рассеянно отвечал следователь, потом спохватился и поправился: – Я хотел сказать, довольно странная фигура этот потерпевший. Юлит, недоговаривает... В общем, человек с двойным дном и продувная бестия.

– Продувная, говоришь? – хмыкнул полковник. – Очень может быть... С другой стороны, мы с тобой, знаешь ли, тоже не орлеанские девственницы.

За себя говори, подумал Волин, но вслух, конечно, не сказал – равенство и братство в Следственном комитете еще не дошло до того, чтобы резать правду-матку прямо в физиономию начальству. Тем временем шеф продолжал говорить, видимо, не догадываясь о крамольных мыслях подчиненного:

– Если бы у нас с тобой были такие деньги, у нас не одно второе дно имелось бы, а десять. Ты в курсе, сколько стоит его коллекция?

– Я так понимаю, миллионы, – не очень уверенно сказал Орест.

Именно, кивнул полковник, именно миллионы. И не каких-то там, понимаешь ты, тугриков или, не к ночи будь помянуты, российских рублей, а настоящих полновесных долларов.

Он, Волин, когда-нибудь видел наличными миллион долларов? Орест Витальевич признался, что никогда. Да и откуда, им же зарплату на карточку переводят – вот если бы в чемоданах приносили, тогда совсем другое дело.

– Шути, шути – дошутишься, – грозно сказал начальник. – А я тебе так скажу – есть у него в коллекции такие экспонаты, что всего одна вещь может стоить миллион. А теперь представь – нашел ты хотя бы один подобный экспонат. И вот, значит, сидишь ты у себя в кабинете, перед тобой – фитюлька со средним кукиш размером, а цена ей – миллион. Представил?

– Не то слово, – сказал Орест Витальевич, обладавший богатым воображением.

– Ну, и что бы ты стал делать с такой вещью?

Волин немножко подумал и предположил, что как честный человек сдал бы дорогостоящий предмет в доход государства.

– Ну, и дурак в таком случае! – сказал полковник в сердцах. Потом подумал и поправился: – То есть, конечно, в служебном смысле и в гражданском тоже – молодец, а по-человечески – дурак дураком.

Волин удивился: почему это он дурак? Ему же причитается половина от этого миллиона – как сдавшему клад.

– Во-первых, это не клад, а произведение искусства, – парировал Щербаков. – Во-вторых, это на аукционе твоя находка стоит миллион, а государство, скорее всего, будет мерить ее по себестоимости. Ну, и сколько, скажи, стоит сейчас полкило фарфора? Вот и достанется тебе в качестве премии не полмиллиона баксов, а кукиш с маслом – только и хватит, чтобы в общественный туалет с горя сходить.

– Хорошо, – покорно сказал Волин, – так тому и быть: сдам находку государству, а на премию схожу в туалет. Вы меня простите, Геннадий Романович, но к чему весь этот разговор?

– Весь этот разговор к тому, что коллекция рыбинская наверняка застрахована, – недовольно заметил полковник. – А если так, можем мы предполагать, что он сам у себя все и украл, чтобы страховку получить?

Волин сказал, что, если коллекция застрахована, то, конечно, можем. Тем более, мы люди в погонах, и, значит, кто нам воспретит?

– Коллекция точно застрахована, – перебил его полковник. – Она же перед этим выставилась в Государственном музее Востока. А что это значит? Это значит, что перед выставкой ее должны были застраховать. И вот на тебе – только выставка кончилась, тут же ее и уперли. Кстати сказать, ее ведь не всю украли, правильно? Встает вопрос: что именно было похищено?

– Да, что? – спросил Волин, не желая быть умнее начальства.

– Самое ценное было похищено, уж поверь моему опыту, – отвечал полковник.

Предположение шефа проверить было легче легкого. Если коллекция страховалась, наверняка ее перед этим оценили. Сам Рыбин о стоимости коллекции помалкивает, но куратор-то от музея наверняка должен знать, сколько она стоит – пусть даже и приблизительно.

– Вот-вот, – обрадовался Щербаков. – Так что давай дуй к куратору и потряси его как следует. И не забудь, отдельно уточни стоимость украденных вещей. Потому что, друг Волин, очень все это похоже на страховую аферу. Ты ведь сам говорил, что Рыбин – не просто так погулять вышел, а настоящая продувная бестия с двойным дном. Вот и подумай теперь, как эту бестию припереть...

Легко сказать – припереть, думал Волин, поднимаясь по лестнице к квартире куратора рыбинской выставки – старшего научного сотрудника Эрмитажа Анны Павловны Меньшовой. Как ты его припрешь, когда на руках одни подозрения и никаких доказательств? Припереть можно, только если найдешь исполнителя.

В старые-то времена без всех этих сложностей обходились. Вот, к примеру, как могло выглядеть расследование при Иване Грозном? Взяли бы, скажем, опричники такого коллекционера вместе с его костюмом от Армани – и палками бы его, палками. Вы скажете, конечно, что

Иван Грозный – слишком далекие времена. Хорошо, пусть не Иван, пусть, например, товарищ Сталин, он же Коба, он же Джугашвили. В том же, извините, тридцать седьмом году взяли бы Рыбина за жабры и били до тех пор, пока бы не признался во всем чистосердечно. Милое дело, мечта дознавателя!

Но сейчас, пардон, совсем другая история. Сейчас бить палками бизнесмена – явно не комильфо, да и полковник ни за что не согласится. Сначала, скажет, ты его в СИЗО посади, добейся приговора, а потом уж и бей, сколько хочешь. А зачем бить потом, если вина доказана и приговор уже вынесен?

Ну, тогда обходишься законными следственными действиями, как при царе Горохе, наверняка скажет полковник. Тут тебе не Гуантанамо пиндосное, у нас, слава богу, права человека блюдутся так, что сам человек другой раз не знает, куда от этих прав деваться...

Здесь Волин внезапно обнаружил, что уже дошел до места и даже стоит перед нужной дверью. Он вздохнул и позвонил. Вы, конечно, спросите, почему вздыхает такой опытный следователь, как Орест Витальевич, превзошедший все тонкости сысского дела? Ответ на это будет простой: после близкого знакомства с коллекционером от его куратора Волин тоже ничего хорошего не ждал.

Спустя примерно полминуты дверь приоткрылась как бы сама собой, однако из квартиры никто не выглянул. Впрочем, нет – Волин опустил глаза и увидел усатую разбойную морду, высунувшуюся в щель. Снизу вверх на него внимательно глядел кот – полосатый, как старый матрос.

– Вы из Следственного комитета? – спросил кот высоким женским голосом.

– Так точно, – сказал Волин, удивляясь смысленности местных котофеев.

– В таком случае, заходите, – продолжал тот же голос. – Антоша, уйди с дороги, не мешайся под ногами...

Полосатый Антоша немедленно скрылся в проеме, только хвост напоследок мелькнул. Дверь отворилась полностью, и Волин увидел коротко стриженную даму пенсионного возраста. Дама была настолько небольшой, что, встань ее кот на задние лапы, непременно оказался бы с ней одного роста.

– Добрый день, Анна Павловна, – церемонно проговорил Волин, делая шаг в квартиру Меньшовой. Он ожидал попасть по меньшей мере в пещеру Али-бабы, однако жилище старшего научного сотрудника выглядело вполне партикулярно, если не считать развешанных всюду китайских картин. Впрочем, как выяснилось, квартира принадлежала вовсе не Меньшовой, жившей в Петербурге, а ее двоюродной сестре, у которой Меньшова всякий раз останавливалась, бывая в Москве.

Сама Анна Павловна оказалась дамой интеллигентной, но весьма деловой. Усадив Волина в кресло перед собой, она с ходу взяла быка за рога.

– Итак, – командным голосом спросила она, – что именно вас интересует в коллекции Рыбина?

Орест Витальевич удивился: кто тут задает вопросы – он или Меньшова, но вслух, конечно, говорить этого не стал.

– Ну, во-первых, – полюбопытствовал он, – действительно ли эта коллекция так хороша, как о ней говорят?

Меньшова слегка поморщилась, но все-таки ответила, что рыбинское собрание – пожалуй, лучшая в России коллекция китайского фарфора. Ничего подобного нет даже в Эрмитаже. Однако...

– Однако? – подхватил Волин.

– Понимаете, какое дело... – куратор явно сомневалась, стоит ли входить в детали, но внимательный взгляд следователя не оставлял путей для отступления. – Там есть совершенно сногшибательные вещи. Но не все они подлинные. Точнее, не совсем так. Вещи-то все под-

линные, но, например, есть там изделия, скажем, восемнадцатого века, стилизованные под четырнадцатый. Владелец, правда, уверяет, что все вещи соответствуют заявленным им характеристикам, но, по моему мнению, это не всегда так. Я даже не согласилась с некоторыми атрибуциями, которые дал Рыбин. Но, сами понимаете, все проверить я тоже не могла.

– Но зачем серьезному человеку выдавать новые вещи за более древние?

– Ну, во-первых, это вопрос престижа, это увеличивает ценность коллекции. Вряд ли Тимофей Михайлович пытался кого-то сознательно обмануть. Просто, вероятно, он покупал совершенно определенные предметы. Согласитесь, обидно думать, что ты заплатил кучу денег, а купил не совсем то, на что рассчитывал.

Волин поинтересовался, насколько Рыбин известен в среде коллекционеров. Меньшова отвечала, что об этом судить ей сложно, а вот в научной среде до последнего времени о таком коллекционере никто не знал.

Орест Витальевич не поверил: то есть как? У человека коллекция на многие миллионы, а о ней никто не знает? Меньшова пожала плечами: у богатых людей свои причуды, некоторые предпочитают, что называется, не светиться. Кажется, до этого он был известен в среде нумизматов. Впрочем, ручаться она не может.

– Все-таки интересно, откуда могла взяться такая коллекция, – сказал Волин. – Наверняка она не за один год была собрана.

– Ну, разумеется, – всплеснула руками Меньшова, – подобные коллекции собираются десятилетиями. Тут и разные аукционы, и обмен, и наследство. У нашего Рыбина прадедушка работал в Китае еще при малолетнем императоре Пу И. Тогда, насколько я понимаю, и было положено начало коллекции. Что-то привез дедушка из Германии после окончания Второй мировой, что-то сам Рыбин купил или выменял. Потихоньку-помаленьку оно и складывалось.

– Странно, – заметил Волин, – мне Рыбин про дедушек-прадедушек ничего не рассказывал.

Меньшова засмеялась: вы же сыщик, а такие люди сыщикам не очень доверяют. Большие деньги, сами понимаете, с законом редко дружат. Особенно у нас в России.

Волин кивнул: это может быть, конечно. А знает ли Анна Павловна, что квартира Рыбина была вскрыта и часть его коллекции украли?

Меньшова, разумеется, знала. Правда, не знала точно, что именно было украдено. Волин показал ей список похищенных вещей. Меньшова, читая его, нахмурилась.

– Довольно странный список, – заметила она. – Совершенно непонятно, чем руководствовался похититель...

В этот миг дверь открылась, и в комнату вошел крепкий брюнет лет сорока. Кивнул следователю, поставил на журнальный столик поднос с китайским чайником и глиняными чашками.

– Спасибо, Алешенька, – сказала Меньшова. – Позвольте, я вас представлю друг другу. Это мой племянник Алеша. Он работает журналистом, но по первому образованию – китаист. А это товарищ из Следственного комитета.

– Орест, – сказал Волин, пожимая руку журналисту-китаисту.

– Алексей, – отвечал тот.

Ушу, наверное, занимается, подумал Волин. С виду здоровенный, а руку жмет мягко, как девушка.

– Привычка, – словно услышав его мысли, отвечал Алексей. – Китайцы вообще рук стараются не жать, но если уж жмут, то очень мягко, деликатно. Много с ними общался, вот и набрался этой восточной премудрости.

– Алешенька, посмотри-ка на этот список, – сказала Меньшова. – Это то, что украли у Рыбина. Не понимаю, по какому принципу вор отбирал украденное. Есть предметы действительно стоящие, а есть, мягко говоря, ерунда. Что их объединяет, по-твоему?

Некоторое время Алексей изучал список, потом пожал плечами.

– Единственное, – сказал, – что в голову приходит – это компактность всех вещей. То есть, в общем, можно их покидать в баул и быстро вывезти. Может, грабитель и не понимал, что ему брать, похватал, что поменьше, да и сделал ноги.

– Интересная версия, – сказал Волин. – Однако за рабочую я бы ее не принял. Во-первых, ограбление было очень хорошо подготовлено. Во-вторых, в списке этом не все такое уж компактное. Вот, например, статуэтка – фарфоровый Милэ с качающейся головой, сорок сантиметров в высоту, конец династии Цин.

Алексей задумчиво почесал кончик носа.

– А знаете, господин следователь, кто такой этот фарфоровый Милэ с качающейся головой?

Меньшова посмотрела на него укоризненно. Как можно такое спрашивать, разумеется, все знают, что Милэ – это будда грядущего Майтрейя.

– Нет, я не о том, – отмахнулся журналист. – Наш Милэ – это просто-напросто фарфоровый китайский болванчик. Вопрос: что он делает в такой пафосной коллекции? И второй вопрос: раз он так отличается от всего остального, может быть, остальное – это лишь прикрытие, и охотились именно за Милэ?

Волин кивнул: начали хорошо, не разменивайтесь на детали.

– Как известно, дьявол именно в деталях, – возразил Алексей. – Тетя Аня, помните алмаз «Слеза Будды»?

– А что я должна помнить? – удивилась Меньшова. – Ну был такой крупный розовый алмаз, его подарили императору Канси тибетские ламы. Потом он пропал куда-то, вероятнее всего, был вывезен на Тайвань во время бегства Чан Кайши.

– Нет, не на Тайвань, – возразил Алексей. – И вообще эта история куда более сложная, можно сказать, детективная. Алмаз «Слеза Будды» был особым образом обработан тибетскими ламами, на нем с одной стороны вырезана манда́ла, с другой – Сутра сердца совершенной мудрости. Это был магический артефакт, обладавший огромной силой. Правда, приложение этой силы мне неизвестно, и какова была функция камня, тоже неясно. Зато известно, что хранился алмаз в пекинском монастыре Юнхэгун. Потом исчез. Дальнейшая судьба камня покрыта мраком. Но есть одна любопытная вещь: согласно легенде, из Китая он был вывезен в такой вот фарфоровой статуэтке.

Несколько секунд все молчали, осмысливая сказанное.

– То есть вы хотите сказать, что «Слеза Будды» до сих пор могла храниться именно в этом самом Милэ и украли не так статуэтку, как спрятанный в ней алмаз?

Журналист покачал головой.

– Нет, конечно. Я думаю, что если алмаз там и был, то вытащили его оттуда давным-давно. Однако камень, зачатый ламами, составлял с хранилищем неразрывное целое и мог передать статуэтке часть своей силы. Видимо, нашлись люди, которым это хранилище вдруг очень понадобилось.

– Для чего? – спросил Волин, Алексей пожал плечами.

– А вот это уже ваше дело – установить. Поймете, для чего можно использовать «Слезу Будды» – поймете, кто украл Милэ.

* * *

– Толковое замечание, очень толковое, – кивнул генерал Воронцов, поглядывая на хмурого Волина из-под кустистых седых бровей. Они сидели в квартире генерала, перед гостем стояла чашка с чаем и коробка печенья. Воронцов печенья не ел,пил чай, как он выразился, «с

таком», следил за фигурой, потому что «в нашем возрасте если растолстеешь, так это навсегда».

– Алексей этот, похоже, не дурак, хотя и журналист, – продолжал генерал, отпивая чай и задумчиво поглядывая на круглое, вкусно пахнущее печенье. – Надо будет с ним познакомиться при случае... А ты пока возьми, почитай еще одну тетрадь нашего сыщика. Я на досуге тут расшифровал.

Но Волин был не в настроении ничего читать, ему бы со своими делами разобраться.

– А ты все-таки посмотри, развлечешься, – лукаво продолжал генерал. – Глядишь, что-то полезное для себя вычитаешь.

Да что там можно вычитать полезного, подумал Волин, но отказываться было как-то неудобно. Он взял увесистую папку, в которую всякий раз превращалась тетрадь после того, как стенографические значки трансформировались в полновесные слова – и начал читать. Однако почти тут же и остановился.

– Не понимаю, – удивился Волин. – Почему вдруг о Загорском пишется от третьего лица? И где его обычное вступление?

– Ты читай, читай, – ухмыльнулся генерал. – Верно этот Рыбин про тебя сказал: слишком много вопросов задаешь, а дело стоит. Читай, сам все поймешь, если голова на плечах имеется.

Волин снова углубился в чтение. Пролистнув несколько страниц, ошалело посмотрел на Воронцова.

– Сергей Сергеевич, но ведь этого просто не может быть! Такое совпадение – невозможно!

Генерал заулыбался, довольный.

– Ну, не так, чтобы совсем совпадение, – заметил он. – Ты когда мне рассказывал про выставку фарфора, после которой экспонаты поперли, я вспомнил, что есть у Загорского какая-то китайская тетрадь. Ну, и взялся ее расшифровывать. А уже она, действительно, попала прямо в точку. Так что читай, пользуйся, только не забудь спасибо сказать.

– Спасибо, Сергей Сергеевич, – рассеянно проговорил Волин, а сам уже ушел с головой в текст, жадно проглатывая абзац за абзацем.

Глава первая. Мастер английского бокса

Старый дворецкий Артур Иванович Кишнер лежал на свеженатертом, залитом солнцем паркете прихожей в доме Нестора Васильевича и не подавал признаков жизни.

Кишнер служил Загорскому уже по меньшей мере лет двадцать пять – еще с тех времен, как Нестор Васильевич был коллежским советником и именовался «его высокоблагородием». Строго говоря, дворецкий был даже моложе хозяина, однако по обыкновению всех дворецких старался выглядеть солидно и в свои пятьдесят легко мог сойти за шестидесятилетнего.

Над этими его потугами посмеивался даже суровый Ганцалин.

– Сколько лет, Артур Иваныч? – спрашивал он и сам же и отвечал: – Сто лет в обед, не меньше.

Такие шутки немного обижали Кишнера, но он знал, что из всей прислуги Загорский больше всего благоволит именно к Ганцалину, и потому на подначки ничего не отвечал, а только мудро, как ему казалось, улыбался уголком рта.

Обидное для Кишнера расположение Загорского к китайцу подчеркивалась наличием в гостиной фотографии, где хозяин и слуга, совсем еще молодые, стояли рядом запросто, как друзья. С тех пор, надо сказать, оба мало изменились, только Загорский поседел. Впрочем, это его совсем не старило. В сочетании с совершенно черными бровями седина выглядела даже импозантно и очень интриговала дам. Понятно, что фотографию выставил не Нестор Васильевич, а сам Ганцалин, но Загорский, увы, этому не воспротивился. Он даже, кажется, и не замечал нахального портрета, зато челядь, разумеется, все видела и ясно понимала, кто в доме главный после его превосходительства.

Как всякий преданный слуга, Артур Иванович ревновал к хозяину всех прочих и все думал, чем именно мил тому китаец и что бы такого сделать, чтобы и его так же отмечал Нестор Васильевич. И в самом деле – что? Прищуриваться, пожалуй, толку будет немного, да и совестно всю жизнь ходить прищуренным, словно мартовский кот. Кожу выжелтить – тоже не то. Кроме того, если рассудить здраво, есть уже в доме один китаец, так зачем нам второй, к тому же поддельный?

Тем не менее педант Артур Иванович не оставлял своих усилий и продолжал изыскивать способы взять верх над Ганцалином. В конце концов, его осенило: хозяина и азиата объединяло мордобойное искусство, в котором они регулярно упражнялись друг с другом. Если, скажем, удалось бы научиться этому похабному ремеслу, тогда очень возможно будет понравиться Нестору Васильевичу, а там чем черт не шутит и вовсе оттеснить в сторону косую физиономию. А уж следом, сами понимаете, прольется на Кишнера дождь господских милостей – вплоть до того, что и жалованье могут повысить.

Не подумайте, однако, что Артур Иванович был жаден и скуп. Нет, он не был ни скуп, ни жаден, хотя, как и положено честному немцу, во главу угла ставил бережливость. Однако сами посудите, как сберечь деньги, если предварительно не получил их за безупречную службу? Никак невозможно, просто никак. При этом чем больше денег ты получаешь, тем, значит, больше их сбережешь. Примерно так когда-то говорил ему отец, Иоганн Густавович Кишнер, а он был мудрый человек, духовный сын Шиллера, Гете и Иммануила Канта.

Во исполнение своего хитроумного плана Артур Иванович осторожно вызнал у Ганцалина, как называется то шумное дело, которым они занимаются на пару с Загорским по утрам, а иногда и вечерами.

– Это китайское цюань-фа¹, – кратко отвечал ему Ганцалин.

¹ Цюань-фа (кит.) – буквально «кулачные методы», общее название разных стилей китайских боевых искусств.

Вот так объяснил, люди добрые, – хорошо хоть в морду не плюнул! Что за цюань-фа, с чем его едят, и, главное, где его теперь искать? Ни на какие больше вопросы проклятуший китаец отвечать не захотел, буркнул: «тебе не надо» – и как сквозь землю провалился. Была у него, знаете, такая неприятная черта: только что стоял рядом – и вдруг исчез неизвестно куда. Это китайское обыкновение почему-то ужасно расстраивало бедного Артура Ивановича, он даже подозревал тут что-то бесовское. Кстати сказать, внезапно исчезать мог и сам Загорский, но, во-первых, никогда этим не злоупотреблял, во-вторых, Нестор Васильевич все же не китаец безродный, а его превосходительство, а, значит, позволено ему больше, чем простому смертному. Иными словами, если исчезновения Ганцалина выглядели чистой бесовщиной, то исчезновения Загорского шли если не напрямую от ангелов, то, во всяком случае, учению христианской церкви не противоречили.

Так или иначе, само слово «цюань-фа» дворецкий запомнил крепко, но как ни искал, где бы этому самому цюань-фа выучиться или хотя бы узнать толком, что это такое, ничего не находил. Тогда, рассудив, что один мордобой другого стоит, он просто пошел учиться английскому боксу в кружке Эрнеста Ивановича Лусталло. Строго говоря, необходимости в этом никакой не было, потому что Киршнер кроме представительной внешности обладал совершенно медвежьей силой и без всякого бокса мог справиться с кем угодно. Однако речь тут, как уже говорилось, шла не о спорте, а в первую очередь о том, чтобы произвести впечатление на хозяина.

Нужно ли говорить, что бокс не понравился Киршнеру с первого взгляда? Увидев его силу, в пару ему сразу взялись ставить бойцов мощных и опытных. Артур Иванович же, обладая от природы мощным размашистым ударом, никакой техники защиты не знал. Поэтому бои в его исполнении выглядели так: если попадал Киршнер, падал соперник, если попадали по Киршнеру, на пол валился сам Артур Иванович. И хотя Лусталло очень его хвалил и прочил ему славу великого чемпиона, Киршнер не видел никакого удовольствия в том, чтобы его беззастенчиво били по морде, именуя это безобразие благородным английским спортом. Вдобавок ко всему, от тренировок у него на физиономии появлялись синяки, на которые с легким удивлением поглядывала остальная прислуга. При некоторой фантазии можно было решить, что свободное время дворецкий проводит в кабаках, напиваясь до умопомрачения и встречая во все доступные человеческому воображению драки.

Даже Нестор Васильевич, обычно не обращавший никакого внимания на внешний вид прислуги, однажды осведомился, здоров ли Артур Иванович и все ли у него в порядке.

Киршнер отвечал, что он вполне здоров: ему вдруг стыдно сделалось, что он, как какой-то башибузук, занимается английским боксом. И с той поры в кружок он уж больше не ходил, хотя Лусталло пытался его удержать, говоря, что кроме английского, есть еще и французский бокс сават, где используют также и ноги. Но Киршнер не соблазнился – ему противна была даже мысль о том, что теперь его будут избивать не только верхними, но еще и нижними конечностями, которыми перед тем ходили по весьма нечистой мостовой.

Словом, как говорится, сколько ни тренируйся, от судьбы не уйдешь. И вот теперь неудавшийся чемпион лежал на полу в доме Загорского, и над бездыханным телом его стояли только что вернувшиеся с прогулки Нестор Васильевич и Ганцалин. Больше в доме никого не было: вся прислуга ушла к обеду, один только лютеранин Артур Иванович оставался дома.

– Однако разбойники совершенно распоясались, – с неудовольствием заметил Загорский. – Если так дальше пойдет, кого мы найдем на полу в следующий раз? Самих себя?

Ганцалин, присев на корточки, быстро и цепко осматривал прихожую, будто надеялся проникнуть взглядом сквозь пространство и время и увидеть нечто недоступное взору простого смертного. Потом, словно ищейка, стал исследовать паркет, мало что не обнюхивал его. Загорский только головой качал, наблюдая за своим верным помощником.

– Ты полагаешь, незванный гость еще тут? – осведомился он наконец. – Считаешь, что это не просто грабитель? По-твоему, он пришел за мной? Но, согласишься, глупо убивать дворецкого, когда охотишься за хозяином.

– Он не убит, – уточнил Ганцзалин, коснувшись пальцем сонной артерии Артура Ивановича.

– Как раз об этом я и говорю, – кивнул Загорский.

Тут Артур Иванович громко и резко всхрипнул, словно желая подтвердить слова хозяина.

– Следов не видеть, – проговорил китаец хмуро. – Но он тут. Я его чувствую. Опасный человек, очень опасный. Почему он прибил Киришнера и почему не спрятал потом?

Ничего не ответив на этот почти риторический вопрос, Нестор Васильевич бесшумным шагом двинулся по лестнице наверх, в господскую часть дома.

– Начнем со спальни и кабинета, потом гостиная, столовая и бильярдная, – не оборачиваясь, шепнул Загорский. И хотя шепнул он очень тихо, помощник все расслышал и сделал то, чего так не любил Артур Иванович в китайцах, то есть незамедлительно провалился сквозь землю.

Загорский же продолжил свой беззвучный обход. В спальне никого не было, кабинет тоже оказался пуст. А вот перед гостиной пришлось замедлить шаг. Нет, Загорский ничего не услышал, но тишина тут была крайне подозрительной.

Здесь стоит заметить, что опытные люди различают разные виды тишины. Ту тишину, которая царит сейчас в гостиной, Нестор Васильевич определил бы как затаившуюся. Тишина эта как будто вобрала в себя все сторонние звуки, и замерла, боясь, что ее обнаружат. Несколько секунд Загорский стоял и прислушивался; и тут подозрительное безмолвие нарушил неожиданно мирный звук: где-то за окном пропела синичка – ить-ить!

Загорский почему-то кивнул и решительно переступил порог гостиной. Она была обставлена скромно, почти аскетически – коричневый диван, несколько кресел в тон ему, журнальный столик, персидские ковры на полу и дубовые книжные шкафы по стенам. Впрочем, книги в доме Загорского были везде, исключая разве что кухню.

– Однако, – проговорил Нестор Васильевич рассеянно, – сколько же нас не было?

Он вытащил из кармана серебряные часы с изящной мелкой гравировкой, щелкнул крышкой и поглядел на них. Потом сухо сказал по-китайски:

– Ну, и чего же ты ждешь? Спускайся, не сиди на потолке, как голодный дух².

Часть потолочной лепнины внезапно ожила, зашевелилась и оказалась невысоким суховатым человеком азиатской внешности, одетым в светло-серый и фу³. Любитель посидеть на верхотуре легко спрыгнул с четырехметровой высоты и мягко припал к полу прямо перед хозяином дома. Тот наблюдал за незванным гостем довольно холодно и действий никаких не предпринимал.

Пришелец чуть заметно покачивал головой из стороны в сторону, как змея перед броском. Внезапно, не меняя выражения лица, он провел мощную круговую подсечку, сбивая Загорского с ног. Однако в том месте, где нога его рассекла воздух, Нестора Васильевича уже не было – каким-то странным образом он оказался у противника за спиной. Тот, не оборачиваясь, нанес рукой удар назад, но Загорский отступил так быстро, что вражеский кулак впустую просвистел в воздухе.

Разбойник взмыл вверх, крутанулся вокруг своей оси, но приземлиться не смог – Загорский так пнул его ногой в грудь, что того буквально отшвырнуло в угол. Однако он тут же

² #####, ###! – Nǐ děng shénme? Nǐ bù shì è guǐ, xiàlá! – Ни дэн шэмме? Ни бу ши эгуи, ся лай! (Буквально – «Чего ты ждешь? Ты не голодный дух, спускайся!»)

³ Ифу (кит.) – традиционный китайский мужской костюм.

вскочил, легко, словно по воздуху, пробежал с десятков метров и обрушил на хозяина дома целый град сильнейших ударов. Загорский отбивался, даже не меняясь в лице.

Враг был похож на разъяренного тигра: он то взмывал почти к потолку, то стелился по полу, то бил лапой, то свирепо огрызался. Однако Нестор Васильевич стоял непоколебимо, словно утес в бурном море, и защищался точными мощными движениями, лишь изредка переходя в контратаку. Одна из этих атак прошла, и врага впечатало в стену с такой силой, что из нее, почудилось, сейчас посыплется кирпичи.

Судя по лицу противника, встреча со стеной оказалась довольно болезненной. Он свирепо рывкнул и потянулся рукой к воротнику. Однако рука эта не нашла того, что искала. Секунду незваный гость стоял с обескураженным видом, потом Загорский показал ему метальный нож.

– Не это ли ты ищешь?

Противник ожег было Загорского яростным взглядом, но вдруг рассмеялся и погрозил ему пальцем.

– Дэ Шань, ты так же хорош, как и прежде! – заметил он по-китайски.

Улыбнулся и Загорский, отвечал тоже на китайском языке.

– Здравствуй, Сяо Ван, рад тебя видеть.

Секунду они молча глядели друг на друга, затем китаец обхватил правый кулак левой ладонью, поднял их на уровень лица и слегка поклонился хозяину дома. Нестор Васильевич улыбнулся и положил правую руку ему на плечо.

– Присаживайся, брат Ван, – сказал он, кивком указывая на одно из кресел, сам же расположился напротив.

Брат Ван осторожно поместился в кресло, скрестив ноги по-турецки. Черные глаза смотрели на Загорского с лукавым интересом.

– Дэ Шань, как ты понял, что я засел на потолке? Ведь ты на меня даже не посмотрел.

Загорский вытащил из кармана серебряный хронометр, с которым вошел в гостиную.

– Это часы, – сказал он. – У них есть стекло, через которое я вижу циферблат. Но это стекло также отражает предметы вокруг. Когда я смотрю на часы вот так, я вижу в них не только себя, но и потолок, на котором ты сидел.

– Старший брат, ты всегда был самый умный среди нас, – с восхищением сказал Сяо Ван – Не зря тебя так любит учитель.

– Да, – согласился Загорский, – быть умным – это моя работа. Но вообще-то ты смолишь такой вонючий табак, что тебя ни с кем не спутать. Если вдруг надумаешь перебраться в Японию, никакие якудза не возьмут тебя шпионом.

Сяо Ван улыбнулся.

– Ты быстр и хитер, но если бы я хотел, я бы все равно успел тебя убить.

– Не успел бы, – Нестор Васильевич кивнул головой в сторону окна.

Гость обернулся, и глаза его округлились. С улицы смотрел на них Ганцалин, прилипший лицом к оконному стеклу. Он стоял на карнизе, в руке его чернел револьвер-бульдог.

– Ого, – сказал Сяо Ван, – это тот самый хуэй-цзу⁴, который тебе прислуживает?

– Не совсем, – отвечал Загорский. – Ганцалин – скорее мой помощник и друг. Прошу не обижать его пренебрежением.

Сяо Ван понимающе кивнул и слегка поклонился в сторону Ганцалина. Тот, однако, даже не шелохнулся – на лице его застыло легкое презрительное выражение. Его превосходительство сделал незаметный знак, и помощник исчез, словно сквозь землю провалился.

– Ты так и не бросил курить? – спросил Загорский.

– Китайцы курят даже в преисподней.

⁴ Хуэй-цзу или просто хуэй – китайская народность, исповедующая ислам.

Ответ прозвучал неожиданно патетически. Стало ясно, что напротив Нестора Васильевича сидит настоящий патриот, который одинаково гордится и китайскими достоинствами, и китайскими недостатками.

Нестор Васильевич предложил гостю гаванскую сигару, но Сяо Ван отказался, сказав, что их иностранное курево – грязное и вредное для здоровья, настоящее бесовское зелье. Он же, как всякий честный китаец, употребляет только отечественный табак.

Загорский пожал плечами: как скажешь. Глянул иронически на Сяо Вана, который засмоллил какую-то духовитую самокрутку.

– Объясни мне ради всемилостивой Гуаньинь, зачем ты сокрушил моего дворецкого?

Нестор Васильевич употребил именно слово «сокрушил», вероятно, потому, что оно точнее всего описывало то, что сделал китаец с Артуром Ивановичем.

Вопрос показался Сяо Вану странным: что значит – зачем? А зачем этот глупый медведь путается под ногами и не пускает его к брату по школе? Что надо было сделать – накормить невежу лапшой и отправить спать? Ну, так он примерно это и сделал, только без лапши.

– А нельзя ли было обойтись словами и решить все дело миром? – Загорский уже не улыбался.

Сяо Ван усмехнулся: словами, всемилостивый Будда, конечно, словами! Старший брат Дэ Шань всегда славился своей добротой. Некоторые считали, что во всем пекинском улине⁵ он был самый добрый человек. Дэ Шань не то что не убил ни одного человека в драке, но даже и не покалечил как следует. Но ему можно, он иностранец, с него взятки гладки. А вот если китайцы начнут прощать всех налево и направо, как велит христианам их небесный князь Иисусы Хэлисытбсы, то в Поднебесной воцарится хаос, она распадется, и первопредок Паньгу вынужден будет восстать от Желтых источников⁶, чтобы создать новое человечество взамен погибшего.

Если бы Дэ Шань видел, какого пинка дал Сяо Вану этот медведь-дворецкий, он бы не говорил глупостей про мир и спокойствие. Китайцы не любят драться, это правда, но если уж драка началась, тут разбегайтесь в стороны все – и в первую очередь сами драчуны.

– Ладно, – сказал Загорский, выслушав брата по школе, – ладно, забудем об этом. Расскажи лучше, как поживает учитель?

Ну что тут рассказывать? Дэ Шань и сам понимает, что с учителем все хорошо, а иначе бы Сяо Ван не болтал тут так беспечно. Но разговор об учителе среди благородных мужей-цзюньцзы – это примерно то же, что разговор о погоде у низких людей-сяожэней. Люди не торопясь входят в беседу, смотрят, о чем думает собеседник, в каком он настроении. Все это нужно, чтобы случайно не задеть его и не обидеть. И только уж потом, закончив все, что положено ритуалом-ли, переходят к делу. Таковы китайцы и тем они отличаются от иностранных чертей, которые сразу вываливают на собеседника все, что думают, не заботясь, приятно ему это или нет. Ну, разумеется, Дэ Шаня это не касается, он ведь не просто заморский черт, он жумэнь дйцзы – то есть вошедший во внутренние врата подлинной традиции.

Что же касается учителя, то он здоров и бодр духом, и дай нам Бүдда быть такими же в его возрасте. Однако все не так просто: учителю нужна помощь, именно поэтому Сяо Ван и приехал к Дэ Шаню...

⁵ Улинь (кит.) – буквально «воинский лес», сообщество мастеров боевых искусств.

⁶ Желтые источники – царство мертвых.

Глава вторая. Своекорыстный заморский дьявол

Великий человек смотрел в окно. Там, за окном, стыли голые клены и сияла холодной сталью гладь рукотворного озера Чжуннаньхэй. Можно было открыть фрамугу и вдохнуть полной грудью свежий предвесенний воздух, чуть приправленный пряным запахом от многочисленных лапшичных и едален, еще осенью взявших на вооружение огненные котлы хог⁷. Вдохнуть надо было так, чтобы закружилась голова, чтобы захотелось сесть в беседке, позвать друзей, велеть слугам принести вина гуйхуа и закусок, играть до ночи в плавающие чаши⁸, как знаменитые семь благородных мужей в бамбуковой роще...

Но ничего этого не сделал великий человек. Во-первых, зима еще только заканчивалась, и, значит, не время было для весенних развлечений вроде плавающих чаш. Во-вторых, он знал, что за окном не свежий воздух царит, а запах жженого угля, который с середины осени окончательно пропитал столицу. Ну и, наконец, самое главное – не было друзей у великого человека. Да и какие могут быть друзья у президента огромной страны? Только прислуга и прихвостни, а еще заклятые враги, стерегущие каждый твой шаг, прячущиеся в траве, как ядовитые змеи и мечтающие нанести смертельный удар. Жизнь научила его, что в каждом почти человеке сидит змея, готовая укусить. И тут надо либо считаться с этой змеей, либо безжалостно ее истреблять.

Но, слава всемилостивой Гуаньинь, здесь, в павильонах Чжуннаньхэй⁹, нет никаких змей, и так безопасно, уютно, так тепло согревают воздух большие медные жаровни. Не совершай ошибки, не выходи из дома... Кто из великих сказал это? Ду Фу, Су Ши, Тао Юаньмйн? Не силен, ах не силен в литературе потомственный воин и политик Юань Шикай, но как точно звучат поэтические строчки, проникая до самого сердца, рана его насквозь, как стрела. А, может, никто и не говорил ничего подобного, и мудрость эту он сам придумал прямо сейчас? В конце концов, чем он хуже всех этих благородных мужей древности? Это ведь давняя традиция, согласно которой владыки Поднебесной сами становились поэтами и каллиграфами. Все знают, что небесный мандат на царствие не дается кому попало, тут нужен и ум, и талант, и чуткое сердце.

Но, несмотря на ум, талант и чуткое сердце, ничего хорошего Юань Шикая за окном не ждет, тут и к гадалке не ходи. Там, за окном, знай себе строят козни обиженные либералы, скалятся суньятсэновские недобитки, там бурлит и гибнет великая страна...

– Гибнет? – голос, задавший вопрос, был вежливым, но твердым. – Буквально гибнет? Его превосходительство считает, что положение так плохо?

Президент повернулся и мрачно поглядел на него, который осмелился подвергать сомнению его оценки. Тот непринужденно сидел в кресле и с любопытством разглядывал Юань Шикая – как будто это президент был каким-то иностранным чучелом, а не он сам. Впрочем, на чучело его гость походил мало: высокий, стройный, широкоплечий, роскошная седая шевелюра, составлявшая странный контраст с совершенно черными бровями (интересно, если отрастит усы и бороду, они тоже будут черные?). Несколько удлиненное лицо (у всех иностранцев лошадиные лица), прямой нос (у всех у них длинные носы), глаза непонятного цвета: на периферии зеленые, ближе к центру – карие, и черный зрачок, как будто там, в зрачке, кроется самое сердце тьмы. Подбородок, губы – ничего особенного, по китайским понятиям одно чуть избыточно, другое чуть припухло, но иностранцы, кажется, такое считают красивым. Для ино-

⁷ Хого (кит.) – буквально «огненный котел», посуда для быстрой самостоятельной готовки, в России ее называют китайский самовар.

⁸ Плавающие чаши – старинное китайское развлечение на дружеской пирушке. Чаши с вином опускаются в воду – обычно в ручей – потом выпивохи ловят их и, перед тем как осушить чашу, декламируют стихотворение.

⁹ После Синьхайской революции 1911 года комплекс Чжуннаньхай стал резиденцией президента Юань Шикая.

странца, пожалуй, кожа чуть смугловата, но иностранцы, похоже, и это любят. Впрочем, прелесть гостя составляли, очевидно, не внешние черты, а некое почти неуловимое очарование, которое время от времени с особенной ясностью проявлялось в улыбке того сорта, на который так падки барышни – улыбке одновременно открытой и в то же время прячущей какую-то удивительную тайну.

Президент поймал себя на том, что разглядывает иностранца, как какая-то барышня, и рассердился на себя. Здесь, в Китае, главный красавец и сердцеед – он, Юань Шикай, и если кто-то думает иначе, тот может немедленно отправляться вон! Этого, который стоял перед ним, конечно, тоже надо бы отправить восвояси, но нельзя, никак нельзя.

До чего дошло, думал президент с горечью, мы, китайцы, вынуждены просить помощи у заморских чертей. Впрочем, нет, не так, какие там черти! Весь мир знает, что президент Юань – человек просвещенный, что он благоволит иностранцам, и ему очень нравится прогресс, который несет Запад всем миру и, в частности, Поднебесной. Однако президентом и любителем Запада Юань Шикай стал совсем недавно. А вот старый генерал, первый министр династии Цин и патриот Китая, которым Юань Шикай был всю жизнь – этот Юань Шикай на дух не переносил иностранных выскочек, только и могущих, что палить из пушек по ослабевшему от междоусобиц врагу.

Однако на вопрос гостя нужно было что-то ответить, и президент выбрал единственно верный ответ.

– Я сказал то, что есть, – узкие глаза смотрели печально, словно не владыка великой страны это говорил, а просто старый, усталый человек. – Поднебесная распадается на части, близок час ее полной гибели. Полюбуйтесь, какие потери понесли мы за последние пару лет.

Он подошел к пестрой карте, висевшей на стене, секунду молча озирает ее, потом глухо заговорил.

– От нас откололся Тибет. Вы, русские, забрали себе Монголию. Губернатор Ян Цзэнсінь пока удерживает Синьцзян, но и там все висит на волоске: один неверный шаг, и мы потеряем и уйгуров. Юг неустойчив, генерал-губернаторы не проявляют покорности. В стране идет гражданская война. Мы разбили Гоминьдэн, но Сунь Ятсэнь – старая борзая. Он зализает раны и еще вцепится мне в ляжку.

– Признаю, положение нелегкое, – согласился иностранный гость.

– Именно поэтому вы тут, – в глазах властительного собеседника внезапно отразилось стальная поверхность озера Чжуннаньхай. – Господин Цзэгбси¹⁰, вы должны спасти Китай!

Гость улыбнулся.

– Ваше превосходительство, я польщен столь высокой оценкой моей скромной персоны, но, боюсь, мне это не по силам...

Юань Шикай снова повернулся к карте и несколько секунд разглядывал ее, словно видел в первый раз.

– Ваше китайское имя – Дэ Шань, – президент по-прежнему не глядел на собеседника. – Вы сами его себе выбрали, или вам его дал учитель?

– Все важные решения я принимаю сам, – на губах Дэ Шаня по-прежнему гуляла любезная иностранная улыбка.

– Ну, «шань», очевидно, это гора, как в слове «Тайшань», – президент размышлял вслух, как если бы никого не было в комнате. – Но что там у вас за «дэ»?

Гость отвечал, что его «дэ» – как в «Дао дэцзин», то есть означает оно добродетель, благодать.

Юань Шикай хмыкнул. Благодатная гора, значит? Или, может быть, Гора благодати? Довольно странное сочетание, но это если понимать буквально. А если взять в традиционном

¹⁰ Именно так транскрибировал свою фамилию Загорский на китайский язык.

смысле, то речь, скорее всего, идет о горе, дарующей благодать. Однако кого может одарить благодатью иностранная гора? Неужели китайцев? Юань Шикай наконец повернул голову и бросил на собеседника внимательный взгляд. Для жителя Поднебесной ничего особенного в имени Дэ Шань не было, ну, разве что звучит не слишком скромно. Впрочем, кто ждет от иностранца скромности, ведь они даже вежливого обращения не понимают.

Зато у заморских чертей имеется свое, крайне специфическое чувство юмора. Сейчас президента не оставляло ощущение, что в имени этом, данном иностранцем самому себе, звучит нечто для китайцев обидное. Тем не менее вслух он его одобрил – прекрасное имя.

– Благодарю. Но ваше превосходительство может звать меня просто Нестор Васильевич.

Юань Шикай принужденно засмеялся и погрозил нахалу пальцем.

– Вы отлично знаете, что ни один китаец такое имя не выговорит.

– Нет преград для устремленного к вершинам, – отвечал Загорский.

Однако он больно жалит, этот Дэ Шань, подумал Юань Шикай. С виду все прилично, слова его смотрятся как цитата из Конфуция. Но о каких все-таки вершинах идет речь, и на что вообще он намекает? Не секрет, что на пути к вершинам власти Юань Шикай просто вынужден был пойти на некоторые, скажем так, сомнительные шаги. Враги выставили ему целый мартиролог тех, кого, как подозревалось, убили по его личному приказу. Но, во-первых, он не убивал, потому что ему это невыгодно. Во-вторых, пусть докажут, что это был именно он. И в-третьих, кто, скажите, не убивал по дороге к великой цели?

Впрочем, не исключено, что Дэ Шань, он же господин Цзэгбси, всего лишь хотел сделать ему изысканный комплимент. Вот только поди разберись за пышными словами, комплимент это был или очередной змеиный укус. Потому и недолюбливал старый вояка всех этих ученых, этих образованных сюцаэв и цзийнши¹¹, что в разговоре с ними никогда не понятно, на что они намекают. Куда проще со своим братом солдатом – там все прямо и честно. Высказал критику в адрес начальства – получил пулю в лоб. А тут что? Хвалит он, критикует, просто издевается – поди пойми.

Одним словом, что бы там ни имел в виду Дэ Шань, видно, что он дерзок и самонадеян. Почему, скажите, все талантливые дерзки и свободолюбивы, а все покорные – тупы и ограничены, и таланта их хватает только на воровство и грабежи? Насколько было бы проще, если бы все обстояло наоборот!

Возвращаясь к Дэ Шаню, можно сказать, что ритуал он, конечно, знает, но почему-то не считает нужным ему следовать. Почему? От всегдашней ли иностранной грубости, или это какая-то особенно хитрая тактика? В любом случае, уже сейчас ясно, что разговор предстоит непростой. Впрочем, неважно. Как говорили древние, нет разницы, какой масти кошка – лишь бы ловила мышей. Если Загорский поймает предназначенную ему мышь, ему можно будет все простить и даже отпустить живым и здоровым на все четыре стороны. Правда, в этом Юань Шикай еще не был уверен, над этим еще предстоит поразмыслить...

Загорский прервал затянувшееся молчание.

– Итак, господин президент считает, что я могу быть чем-то полезен Китаю в нынешних драматических обстоятельствах.

Вислые усы президента шевельнулись, обнажив острые, как у хорька, зубы.

– Я не сказал, что вы можете быть полезны, – отвечал он. – Я сказал, что вы можете спасти Поднебесную. Надеюсь, вы чувствуете разницу?

Он отошел от карты и сел в кресло напротив Загорского. Кресла в павильоне были мягкие, европейские, а не деревянные китайские, в них даже можно было вольготно раскинуться и отдохнуть. Юань Шикай был человек уже немолодой, полный, страдал от ревматизма и любил комфорт. И комфорт этот был ему доступен, чего нельзя сказать о миллионах его сограждан.

¹¹ Сюцай, цзийнши – ученые звания в старом Китае.

– Как вы полагаете, в чем причина падения династии Цин и разрушения империи? – спросил президент у Загорского, следя за собеседником сквозь полуопущенные веки.

Тот пожал плечами: причин может быть некоторое количество. Есть такой русский публицист Ульянов-Ленин. Так вот, в недавней своей статье он писал, что революционная ситуация возникает потому, что верхи не могут управлять по-старому, а низы не хотят по-старому жить. Вообще же спрашивать, почему пала империя, надо не у иностранца, а скорее у политиков и историков.

– Да-да, политики и историки, – усмехнулся президент. – Они вам назовут десятки причин, но среди них не будет главной. Что вам известно об алмазе «Слеза Будды»?

Загорский вынужден был признаться, что слышит о таком алмазе впервые.

– Немудрено, – кивнул Юань Шикай. – Вообще-то мы, ханьцы¹², к алмазам равнодушны, наш камень – нефрит. Однако для алмаза, о котором я говорю, мы делаем исключение. Как вы, конечно, знаете, еще со времен монгольской династии Юань мы находимся с тибетцами в отношениях «духовный наставник – благотворитель». Иными словами, тибетские ламы наставляют нас в божественной премудрости, а мы платим им деньги, передаем в собственность земли и вообще осыпаем подарками. Во времена императора Канси тибетские ламы передали ему в дар удивительный алмаз, который позже получил название «Слеза Будды». И хотя маньчжур Канси в отличие от императоров династии Мин все же проявлял к алмазам некоторый интерес, но, как уже говорилось, драгоценные камни – не китайская страсть. Скорее всего, подарок тибетцев тоже был бы похоронен в императорской сокровищнице среди множества столь же бессмысленных приношений. Однако у «Слезы Будды» есть некоторые особенности. Это очень крупный плоский алмаз редкого розового цвета. На одной его грани мастерами тонкой работы выбита манда́ла, схема Чистой земли, где пребывают будды, на другой – сүтра¹³ Сердца совершенной мудрости.

– Вся сүтра целиком, или только ее ма́нтра¹⁴? – заинтересовался Загорский.

– Вся, – сухо отвечал президент.

Нестор Васильевич покачал головой. Он знал, что китайские мастера резьбы обладают высочайшим мастерством. Но одно дело – писать на рисовом зернышке стихи Ду Фу, и совсем другое – вырезать священные тексты на самом прочном из минералов.

– Но главное даже не это, – продолжал Юань Шикай. – При помощи тайных ритуалов алмаз был зачат тибетскими ламами, и стал покровителем и талисманом династии Цин. Согласно пророчеству, пока «Слеза Будды» хранится в Пекине, династия продолжает править. Если камень покинет столицу, династия рухнет.

– Вот оно что, – Загорский поднял бровь. – И вы верите в эти предрассудки?

– Не верю, – старый генерал неприятно оскалил зубы. – Точнее, не верил. Но в начале октября 1911 года священный алмаз пропал из пекинского монастыря Юнхэгун, где он хранился по соглашению с тибетскими ламами.

Загорский задумался.

– Октябрь 1911 года, – медленно проговорил он, глядя куда-то в пол, – то есть перед самым уча́нским восстанием.

– Да. Перед восстанием, которое привело к Синьхайской революции и крушению династии Цин, – желтушные глаза президента вспыхнули зловещим огнем. – Пропал бесценный камень и величайшая духовная святыня китайской нации, и вслед за тем пришел конец двум тысячам лет китайской империи¹⁵.

¹² Ханьцы, хань – крупнейшая, титульная, народность Китая.

¹³ Сутра (санскрит) – в буддизме – священный текст, в котором изложены основы буддийского учения.

¹⁴ Мантра (санскрит) – мистическое сочетание звуков или слов, способное менять сознание произносящего их человека.

¹⁵ Юань Шикай говорит не обо всей китайской истории, насчитывающей пять тысяч лет, но именно об императорской власти, объединившей огромные территории. Первым императором Китая считается Цинь Шихуан, правивший в III веке до

Загорский только плечами пожал: простое совпадение. Однако его собеседник мрачно молчал. Нестор Васильевич недоверчиво взглянул на президента:

– Вы же современный человек, неужели вы подвластны таким грубым суевериям?

Юань Шикай невесело усмехнулся; опять стало видно, что он немолод и сильно устал.

– Нет китайца, неподвластного суевериям, – заметил он. – Мы имели дело с богами и духами, когда ваши европейские предки еще бегали на четвереньках и не знали членораздельной речи.

– Пусть так, – согласился гость. – Предположим, алмаз обладает магической силой и может хранить династию. Но вам-то до этого какое дело? Ведь именно благодаря революции вы стали тем, кто вы есть. Так что исчезновение «Слезы Будды» – в ваших интересах.

Лицо президента внезапно исказилось, стало темным от прилившей к нему крови, и он отчеканил:

– Юань Шикай только во вторую очередь президент, а в первую – патриот Китая. Айгó Чжунгó!¹⁶

– Прошу простить, если я помимо своей воли чем-то обидел президента... – после небольшой паузы начал было Загорский, но собеседник остановил его движением руки.

С минуту они сидели молча, потом Юань Шикай продолжил.

– У пророчества, которое касается камня, есть вторая часть. Она утрачена. Но, судя по тому, что происходит с Поднебесной, она говорила о том, что с утерей «Слезы Будды» обрушится не только династия, но и все государство. И мы воочию наблюдаем этот процесс сейчас. Если распадется Китай, исчезнет и его народ, а вместе с народом исчезну и я. Вот чего я боюсь больше всего на свете, и вот в чем состоит мой, как вы говорите, интерес.

В этот раз молчание было еще более долгим и томительным.

– Таким образом, вы хотите, чтобы я нашел камень и вернул его на место? – наконец сказал Нестор Васильевич.

Старый генерал молча кивнул.

– Это будет нелегко, – проговорил Загорский, секунду подумав.

– Мы оказываем вам великую честь... – напыщенно начал Юань Шикай.

– Да, – кивнул Загорский, – а значить, и награда должна быть соответствующей.

Нестор Васильевич ждал взрыва негодования, но президент неожиданно посмотрел на него с уважением: он ценил людей, которые умели себя поставить.

– Сколько же вы хотите?

– Двадцать тысяч американских долларов, – не моргнув, отвечал Загорский.

– Двадцать тысяч? – удивился президент. – Эта работа не стоит таких денег.

– Ну, тогда пусть ее выполнит кто-то другой, – Загорский встал и поклонился, всем своим видом выражая намерение немедленно выйти вон.

– Постойте... – Юань Шикай устало махнул рукой.

В конце концов, какая разница, сколько пообещать, если не собираешься выполнять обещание, думал он, глядя в лицо Дэ Шаню. Глупому иностранцу надо было бы просить для себя сохранения его жалкой жизни, вот это был бы настоящий торг. Впрочем, Юань Шикай и это бы пообещал с удовольствием. Как говорили его присные его же врагам: президент обещает Поднебесной десять тысяч лет спокойствия и процветания, а что можете пообещать вы?

– Кроме того, нужны будут деньги на текущие расходы, – прервал Загорский его размышления. – Я бы предпочел американские доллары и английские фунты – их в случае чего легко менять на китайские деньги.

Юань Шикай кивнул, не говоря ни слова.

нашей эры. До него были не императоры, но лишь правители отдельных царств и княжеств.

¹⁶ Юань Шикай произносит известный лозунг, который можно перевести как «Я – патриот Китая!»

– Теперь что касается собственно поисков, – продолжал Нестор Васильевич. – С момента пропажи прошло больше двух лет. Мы не знаем заказчика, за это время алмаз могли увезти куда угодно.

– Его не увезли куда угодно, – отвечал Юань Шикай. – Более того, мы примерно знаем, где он может быть.

Загорский посмотрел на президента внимательно. Тот объяснил, что он имеет в виду. Камень, скорее всего, украли сами тибетцы. Но это было не просто воровство, это был магический ритуал. Украли его как раз затем, чтобы Китай начал разваливаться, а Тибет благодаря этому смог обрести независимость. В последние годы китайцы слишком сильно давили на лам, и те готовы были обратиться за помощью к кому угодно, например, к Англии или к России. И хотя Россия держала в этом вопросе нейтралитет, Англия встала на сторону тибетцев. Теперь Тибет объявил себя свободным. Но возможным это стало только после того, как эти хитрые негодяи украли алмаз и вывезли его из Пекина. Таким образом ламы запустили механизм заклęcia, и пророчество стало сбываться.

– Алмаз в Лхасе, – убежденно сказал Юань Шикай, – именно там его и нужно искать.

Глава третья. Близкое знакомство с карликами

Загорский и Ганцзалин сидели во дворе старого пекинского сыхэюаня¹⁷, который принадлежал учителю Нестора Васильевича, мастеру Тай Цзюню. Над крышами домов вздымалась Барабанная башня, синее небо над хутунами¹⁸ прожигали столбы черного дыма от печей и канов¹⁹. Тут же, во дворе, тренировались ученики наставника Тай Цзюня, сам он ходил между ними, одетый в теплую куртку на вате, время от времени поправляя ученикам то руку, то ногу, а иногда и ударяя палкой по особенно неподатливой спине. Гости в тренировке участия не принимали: они согревались зеленым чаем и острой лапшой, сидя за небольшим столиком.

– Юань Шикаю наплевать и на Китай, и на династию Цин, – говорил Загорский Ганцзалину. – Он собирается сам стать императором – вот что я думаю. Совсем недавно он распустил парламент. Не за горами момент, когда он объявит императором себя самого. Именно поэтому он и затеял всю историю с алмазом. Для него алмаз – то же самое, что для древних императоров – небесный мандат на правление. Это тебе не романтик Сунь Ятсен, это человек серьезный, на его пути лучше не вставать.

– И вы хотите оказать услугу такому человеку? – Ганцзалин с шумом, как настоящий пекинец, втянул в себя лапшу.

– Разумеется, нет, – отвечал Загорский с легким неудовольствием.

– Значит, алмаз искать не будем?

– Нет, мы будем искать алмаз. Но услугу я оказываю не президенту, а своему учителю.

Ганцзалин перестал жевать и посмотрел на мастера Тай Цзюня, который прогуливался между учениками. Учитель был немолодой, но крепкий еще пекинец лет под восемьдесят и, по словам Загорского, в бою легко мог дать фору шестидесятилетним молокососам. Непонятно было одно: зачем ему драгоценный алмаз, который даже и не продашь никому?

– Один его ученик связался с триадами, – объяснил Загорский. – Тень пала на всю школу, начали уголовное расследование.

– Я думал, после революции тайные общества разрешили, – удивился Ганцзалин.

– Разумеется, разрешили. Только поэтому ты и смог въехать в Китай, – отвечал господин. – Или ты забыл, что тебя разыскивали по всему Китаю как бывшего бандита?

Ганцзалин хотел заметить, что бандиты бывшими не бывают, но решил не повторять прописных истин и промолчал.

– Так или иначе, общество обществу рознь, – продолжал Нестор Васильевич. – Одно дело – какой-нибудь «Союз неба и земли», и совсем другое – озверевшие разбойники, которые не щадят ни детей, ни женщин, ни стариков. Осложнилось все это тем, что многие из учеников школы были связаны с Гомиьнданом. В общем, дело вышло очень неприятное, чтобы его замять, недостаточно было даже знакомства с главой пекинской полиции. Пришлось использовать связи и обратиться прямо к президенту. Ну, и тут, как всегда в Китае: услуга за услугу. Учитель предложил мои навыки взамен на то, что школу оставят в покое.

– Юань Шикаю повезло, – Ганцзалин снова взялся за лапшу. – Если кто и может найти алмаз, так это вы...

Некоторое время помощник хлюпал лапшой, а Загорский, попивая чай, наблюдал за тренировкой. Наконец заметил с легким осуждением:

¹⁷ Сыхэюань (кит.) – разновидность традиционного китайского жилища, где четыре дома располагаются внутри одного прямоугольного двора.

¹⁸ Хутуны (кит.) – множество одно- и двухэтажных частных домов, стоящих рядом; переулки, тип средневековой пекинской городской застройки, сохранившейся и по сей день.

¹⁹ Кан (кит.) – вид печки-лежанки, которую топят углем.

– Я вижу, нынешние молодые люди себя берегут. С нас во время тренировки сходило семь потов, а иногда и кожа.

Ганцалин на это ничего не сказал. Стоявшая перед ним большая пиала уже наполовину опустела, а его живот, напротив, заметно округлился. Судя по всему, он явно намеревался уничтожить блюдо полностью.

– Тебе, конечно, интересно, почему Юань Шикай выбрал для расследования меня, а не китайца или, скажем, англичанина? – спросил Нестор Васильевич.

– Совершенно не интересно, – буркнул Ганцалин.

Но Загорский, хорошо знавший своего помощника, не обратил внимания на его тон – тем более, что ситуация требовала объяснения. Юань Шикай быстро понял, что ханьцы для такого дела не годятся совсем. Обозленные тибетцы, которые только-только провозгласили независимость, просто не пустят китайского эмиссара на свою землю. Англичане чувствуют себя в Тибете, как дома, но Юань Шикай скорее отрежет себе язык, чем расскажет им про «Слезу Будды». Это ведь благодаря британцам Тибет отпал от Китая. Русские же держат нейтралитет – во всяком случае, по отношению к Тибету. При этом Далай-лама относится к русским хорошо и с удовольствием пускает на свою землю, потому что в России много его единоверцев среди бурят и калмыков. И, наконец, решающим аргументом в пользу Загорского стал тот факт, что он знает китайский язык и страну в целом.

Нестор Васильевич отпил еще глоток и, прищурясь, посмотрел на учеников, которые вооружились мечами и теперь неистово рубили и кололи воздух.

– Когда я сказал, что у меня есть помощник-китаец, президент обеспокоился, – продолжал Загорский. – Боялся, что из-за тебя тибетцы не пустят нас к себе. Но я сказал, что ты не ханец, а мусульманин-хуэй, чей род происходит из Сианя. К тому же сам ты родился в Сычуани и хорошо знаешь тибетский язык.

Ганцалин пробурчал что-то невнятное и заглотнул новую порцию лапши. Казалось, помощник совсем не слушает хозяина. Он все время косился куда-то вбок, как кошка, высматривающая неосторожную мышь. Что-то мелькнуло в щели между домами – Ганцалин метнулся туда и выволок бешено сопротивляющегося лысого карлика, одетого в бордовую буддийскую рясу без рукавов. Карлик пытался обороняться длинным посохом с поперечной рейкой посередине, но, разумеется, справиться с железной хваткой китайца не мог. Посох его был отброшен в сторону, сам он повис в крепких руках Ганцалина и, пытаясь вывернуться, яростно бранился.

– Черепашье яйцо, – орал он, – пусти, я тебе нос отгрызу!

Он, наверное, исполнил бы свою угрозу, но Ганцалин дал ему такого пинка, что тот прикусил язык и замычал от боли. Загомонили ученики Тай Цзюня, но учитель повелительно махнул рукой, и они снова взялись за мечи, однако нет-нет да и бросали на карлика любопытные взгляды.

Ганцалин подтащил пленника к Загорскому и мстительно швырнул к ногам хозяина. Карлик стоял на четвереньках и очумело поводил глазами из стороны в сторону, обливаясь окровавленным языком губы. Лицо его, лишённое бровей, отвратительно корчилось.

– Это шпион! – прорычал Ганцалин. – Он следил за нами, я заметил его еще у Колокольной башни.

Карлик издал низкий гнусавый звук и невнятно пролаял:

– Гнусная тварь, попомни мои слова: скоро ты проклянешь тот день, когда материнская утроба извергла тебя на свет!

Ганцалин опешил было, потом поднял кулак, чтобы вбить в карлика немного учтивости, но Загорский остановил карающую длань.

– Познакомься, Ганцалин, это наш проводник, Цзяньян-гочэ, – сказал он мягко. – Брат Цзяньян, это мой помощник Ганцалин.

Брат Цзяньян, все еще стоя на четвереньках, забрался и выразил надежду, что помощник этот сдохнет еще до захода солнца.

– Вот видишь, как ты озлобил человека, – в голосе Нестора Васильевича ясно звучал упрек.

– А зачем он шпионит? – Ганцалин, похоже, не чувствовал за собой никакой вины.

– Я не шпионю, куриная голова, я издали охраняю ваш покой, – огрызнулся карлик.

Хозяин неожиданно встал на сторону Цзяньяна-гоче и стал пенять помощнику.

– Сколько раз я тебе говорил: это не Россия, а Китай, здесь нельзя бросаться на людей без всякого повода!

В ответ Ганцалин пробурчал, что он сам китаец и отлично знает, на кого и когда ему следует бросаться. И вообще, непонятно, откуда взялся и что здесь делает этот так называемый проводник.

Загорский попросил брата Цзяньяна подождать минутку, а сам отвел Ганцалина в сторону. Цзяньян-гоче подобрал свой посох, вскарабкался на стул, выплеснул чай из чашки Загорского, налил туда свежего и стал пить его, злобно таращась на учеников наставника Тая.

Нестор Васильевич, отведя помощника в другой конец двора, быстро объяснил ему, что Цзяньяна навязал ему Юань Шикай. Он пробовал отказываться, но президент настаивал.

– Наш Цзяньян – тибетец, – объяснил Нестор Васильевич. – Алмаз хранился в пекинском монастыре Юнхэгун. Так вот, Цзяньян там прислуживал, он рядовой монах-траппа, но при этом родственник настоятеля, так что может быть нам полезен.

Ганцалин хмыкнул: странно, что этот монах до сих пор всю братию не перерезал, он же ненормальный.

– Напрасно ты так, – отвечал хозяин укоризненно, – ему и без того не позавидуешь. Ты сам знаешь, как в Китае относятся к карликам и людям с уродствами.

Ганцалин проворчал, что можно быть карликом, но не быть при этом дьявольской тварью.

– Можно, – согласился Загорский, – хотя и трудно. Однако речь не об этом. Дело в том, что Цзяньян знает не только тибетский язык, но и все тибетские порядки, не исключая монастырских. Благодаря родству с видным ламой ему в Лхасе открыты многие двери, а это сейчас очень важно.

Несмотря на все уговоры, Ганцалин решительно заявил, что бесовским карликам веры нет и что Цзяньян-гоче – наверняка согладатай. Вполне вероятно, согласился Загорский, но придется терпеть, потому что другого выхода нет. Однако, по мнению Ганцалина, выход был – и выход отличный. Надо было не мешкая прибить тибетца.

– Спешить не будем, – охладил его Загорский. – Если ты прибьешь брата Цзяньяна, Юань Шикай не заплатит мне гонорар.

– Да он и так не заплатит, не верю я этой хэнáньской²⁰ лисе.

– И тем не менее. Нельзя воевать со всем миром, надо искать союзников, где только возможно.

Между тем карлик допил чай и успел поссориться с кем-то из учеников мастера Тай Цзюня. Собрав вокруг себя толпу, он истошно кричал, доказывая, что мечом так не работают.

– Должна быть единая объединяющая сила от пятки до кончика меча! – надрывался он. – А вы машете, как будто мух гоняете. И еще имеете наглость зваться школой ушу! Вы не воины, а отбросы, я побрезгую на вас даже плюнуть.

Молодые люди смотрели на него, остолбенев, только мастер Тай Цзюнь тихонько посмеивался в куцую бородку. Один из парней, снисходительно улыбаясь, протянул свой меч Цзяньяну-гоче и сказал:

²⁰ Провинция Хэнáнь – родина Юань Шикая. Жители ее славятся своей хитростью и лукавством.

– Ну, монах, покажи нам, дуракам, как нужно рубить мечом!

Карлик оскалился, бросил свой посох, схватил меч и начал так им вертеть, что едва не оттяпал насмешнику ухо. Тот, зажимая ладонью раненую щеку, под общий хохот скрылся в доме. Нестор Васильевич сказал Ганцзалину, что пора уводить карлика, иначе мастер Тай Цзюнь недосчитается некоторых своих учеников.

Но просто покинуть дом мастера было недостаточно. Следовало как-то примирить Ганцзалина и тибетца, и Загорский решил повести их в харчевню. Ганцзалин, конечно, только что подкрепился, но какой китаец откажется пообедать второй раз, да еще бесплатно? Если и найдется таковой, то нет никаких сомнений, что соотечественники проклянут подобного извращенца, а небо лишит его наследников.

Шли они не торопясь, карлик со своим посохом пыхтел за ними и все равно вынужден был почти бежать, чтобы не отстать слишком сильно.

– Какой прок от такого проводника? – оглянувшись, хмуро сказал Ганцзалин. – Мы будем ползти, как улитки.

Хотя сказано это было негромко, карлик все равно услышал. Большегубый рот его злобно искривился, круглые, лишенные ресниц глаза сощурились от ненависти.

– Да я могу двигаться в два раза быстрее вас! – крикнул он.

В следующий миг он щелкнул пряжкой на своем посохе, и оказалось, что тот состоит из двух одинаковых палок с поперечинами посередине. Таким образом, в руках у карлика образовалось что-то вроде импровизированных ходуль. Он вскочил ногами на поперечины и с необыкновенной ловкостью побежал вперед, оставив далеко за спиной Загорского с Ганцзалином.

– Ловко, – оценил Нестор Васильевич. – Как видишь, брат Цзяньян не так прост, как может показаться.

– Как раз это мне и не нравится, – пробурчал Ганцзалин.

Обед, однако, прошел довольно мирно. Ганцзалин и карлик беспрерывно подначивали друг друга, но бесовской тварью и черепашим яйцом никто уже никого не называл. Загорский посчитал это добрым знаком и большим достижением своей миролюбивой политики. В конце обеда карлик даже признал, что хуэй, конечно, страшные мерзавцы, но до ханьцев им далеко. Ответную любезность провозгласил Ганцзалин, который заметил, что до встречи с братом Цзяньяном он полагал, что всех тибетцев следовало бы публично вздернуть на вратах Чжаотаймэнь, но теперь считает, что довольно с них и обычной виселицы.

– Я рад, друзья мои, что вы нашли общий язык, – сказал Нестор Васильевич.

Они с Ганцзалином выпили за вновь родившуюся дружбу. Карлик тоже поднял чашу вместе с ними, но вино пить отказался.

– Вина не пить, женщин не знать, мяса не есть – что у тебя за жизнь? – насмешливо спросил Ганцзалин.

– К мясу я не притрагиваюсь, но для тебя сделаю исключение – зажарю и сожру, – свирепо огрызнулся Цзяньян-гоче.

Видя, что обстановка снова накаляется, Загорский поторопился спросить у карлика, что значит его имя – Цзяньян-гоче?

– Визгливый надоеда с лошадиным черепом – вот что оно означает, – проявил знание тибетского Ганцзалин.

Но карлик, не обратив на него внимания, неожиданно спокойно объяснил Загорскому, что «Цзяньян» значит «чудесный звук», а гоче – «большая голова». Таким образом, его прозвище можно перевести как «чудесные звуки мудрости».

– Как ты звучишь, это уже сейчас ясно, а какой из тебя мудрец, увидим в ближайшее время, – пробурчал Ганцзалин.

Но Загорский прервал назревавшую перепалку и сказал, что пора наконец осмотреть место происшествия.

– Разумеется, спустя два года никаких следов там не найти, но общая обстановка может нам кое-что подсказать. В каком именно месте Юнхэгун хранился алмаз? – спросил он у тибетца.

Карлик пожал плечами: это тайна, о которой знают всего два человека – настоятель монастыря и Далай-лама.

– Почему же Далай-лама, – удивился Нестор Васильевич, – ведь Юнхэгун – резиденция Панчен-ламы?

Карлик отвечал, что «Слеза Будды» – не просто духовное сокровище, но и вещь, влияющая на дела государства. А все государственные дела проходят по ведомству Далай-ламы, который совмещает в себе религиозный авторитет и власть главы государства.

Загорский кивнул: Юань Шикай тоже считает, что алмаз находится в Лхасе, а не у Панчен-ламы в Шигатзэ.

– Ну, что ж, – сказал он, подытоживая разговор, – Далай-лама далековато – спросим у настоятеля.

И они отправились в Юнхэгун. От озера Хоухай, рядом с которым они обедали, до монастыря тибетских лам было недалеко. Однако карлик потребовал рикшу.

– Здесь совсем рядом, двадцать минут пешего ходу, зачем тебе рикша? – насмешливо спросил Ганцалин.

– Это для вас двадцать минут, а для меня – в два раза дольше, – сварливо отвечал Цзяньян-гоче.

– Да ты на своих ходулях бегаешь в два раза быстрее нас, – заметил ему Ганцалин.

– Ходули для дела, а не для прогулок, – огрызнулся брат Цзяньян. – Когда я на ходулях, на меня все пялятся, думают, что приехал бродячий цирк. Не хочу я быть развлечением местной черни.

– Рикша так рикша, – решил Загорский, хотя ему и хотелось прогуляться пешком по городу, который он так любил и в котором так давно не был.

Взять, впрочем, пришлось сразу трех рикш: Загорский и Ганцалин решили тоже ехать с братом Цзяньяном. Два рикши оказались молодые и бодрые, а один, везший Ганцалина, склонялся уже к сорока и выглядел, как старая кляча. Было заметно, что, несмотря на тяжелую работу, он постоянно мерзнет. Именно поэтому одевался он на пекинский лад, как капуста: сверху рваная, потерявшая цвет телогрейка с торчащими из нее кусками соломы, под ней что-то вроде грязной безрукавки, сшитой из разнокалиберных кусков дешевой ткани, снизу еще длинная рубаха и, может быть, нательное белье. Не всякий европеец решился бы ехать на подобном извозчике, но Ганцалин, как истый китаец, только покрякивал на беднягу, чтобы бежал быстрее.

Тележки, в которых они ехали, со стороны седока были закрыты занавесками – чтобы прохожие не пялились. Вся жизнь китайская проходит на глазах у соплеменников, поэтому они, с одной стороны, стараются укрыться от окружающих, с другой – ведут себя по-младенчески бесстыдно. Так, прямо у всех на глазах какой-то кули подошел к стене и справил малую нужду, при этом с любопытством оглядываясь по сторонам.

По переулкам, где земля была утоптана, тележки шли довольно ровно, но, выезжая на проспект, начинали стучать и подпрыгивать на камнях, которыми кое-где были выложены большие улицы.

На улицах этих происходило подлинное вавилонское столпотворение. Текла мимо толпа пешеходов, в массе своей одетых очень бедно, потому что богатые люди не затрудняли себя пешей ходьбой – разве что в праздники, когда слезть с повозки манили разнообразные развле-

чения. Толпа пекинская состояла почти исключительно из мужчин, потому что женщины в Китае считаются разновидностью домашних животных и просто так на улицу не высовываются.

Заметно было, что революция повлияла даже на быт пекинцев. Кое-кто был коротко стрижен, а некоторые до сих пор по старой моде еще носили косы. Хотя погода на улице стояла по-весеннему холодная, пекинцы прогуливались с веерами. Впрочем, веер в Китае носят не столько для прохлады, сколько как украшение, предмет церемониала и даже способ маскировки. Не хочешь быть узнанным кем-то – прикройся веером и иди мимо, как ни в чем не бывало.

Некоторые пекинцы брились и стриглись прямо на улице у бродячих цирюльников, которые при необходимости выступают и как врачи: могут, например, пустить больному дурную кровь.

Ревнивое соперничество вездесущим рикшам составляли всадники на мулах и ослах, украшенных бубенчиками, а также носильщики, несущие паланкин с богатым купцом или чиновником.

Торговцы кричали и стучали в дощечки, заманивая покупателей в стоявшие по обеим сторонам улицы лавки и харчевни. Продавцы уличной еды надрывались, выкрикивая ужасными голосами названия закусок и устрашающе вопя «Тр-р-р-р-р!» – все только для того, чтобы клиент хотя бы бросил взгляд на их тележки, выставленные вдоль дороги. Из харчевен время от времени высовывались хозяева и выплескивали грязную воду прямо под ноги прохожим. Если кому-то помои попадали в лицо, пострадавший окидывал обидчика презрительным и гордым взглядом и шел дальше как ни в чем не бывало. Впрочем, иногда случались и скандалы, но до драк обычно не доходило.

Герои наши реагировали на происходящее по-разному. Загорский глядел на окружающую жизнь с интересом и чуть ли не умилением, Ганцалин – безразлично, карлик – с нескрываемым презрением.

Путь до Юнхэгуна занял минут пятнадцать. Загорский расплатился с рикшами и вместе со своими спутниками вошел на территорию монастыря. Проходя по императорской дороге, усаженной серебристыми абрикосами, Ганцалин не преминул подхватить пару упавших еще осенью плодов, понюхать и объявить, что они воняют, чем вызвал небывалый гнев карлика. Загорский призвал помощника к цивилизованности и уважению чужих святынь, Ганцалин в ответ только рожу скорчил.

Вероятно, в монастыре был какой-то впередсмотрящий, вроде юнги на корабельной мачте, потому что уже у ворот Чжаотаймэнь²¹ их встречал кхэнпо-лама или, проще говоря, настоятель, одетый в официальное красно-желтое одеяние. Лама был человек невысокий, бритый наголо, с короткими квадратными бровками и слегка лукавым выражением лица.

– Приветствую вас, почтенные старцы, – сказал настоятель с легким поклоном.

При этих словах Ганцалина перекосило: это кто тут старец? Загорский едва удержался от смеха, наблюдая за праведным гневом своего помощника, который, похоже, был готов наброситься на ламу с кулаками.

Загорский учтиво поклонился настоятелю, а Ганцалину шепнул.

– Ты же помнишь долгожителей при Цинах?

Разумеется, Ганцалин помнил. Даже во времена последней китайской династии люди, достигшие семидесяти лет, уже считались долгожителями. Каждому такому старцу выдавался особый посох, как знак его долгожительских заслуг перед империей. Загорскому с Ганцалином до семидесяти было еще далеко, но оба уже перевалили за шестьдесят.

– Смирись, друг: отныне ты – не гроза барышень, а почтенный старец, – заметил Нестор Васильевич своему верному помощнику.

²¹ Чжаотаймэнь (кит.) – Врата Безмятежного спокойствия.

– Карлик поднимается по лестнице – шаг от шага выше, – пробурчал Ганцалин, припомнив известную пекинскую недоговорку²².

Кхэнпо-лама провел их в зал для приемов, предложил чаю и сладостей.

– Вы прекрасно говорите по-китайски, – заметил он Загорскому.

– Вы тоже, – отвечал тот, приведя ламу в некоторое замешательство.

Сначала, как и положено ритуалом, поговорили они о разных разностях, в частности, о старых и новых переводах на китайский тибетского канона Ганджур. Наконец Загорский решил перейти к делу.

– Почтенный лама, разумеется, знает, зачем я здесь, и ему известны мои полномочия, – торжественно объявил он.

Настоятель склонил голову. Конечно, он знал, иначе стал бы он тратить столько времени на заморских чертей. Ничего такого кхэнпо-лама, разумеется, не сказал, но Загорский легко прочел это в его глазах, на миг ставших насмешливыми. Эге, подумал детектив, а дело-то будет посложнее, чем могло показаться.

– Я хотел бы увидеть то место, где хранился алмаз, – сказал Нестор Васильевич.

В глазах настоятеля мелькнуло какое-то странное выражение: что-то среднее между страхом и облегчением.

– Прошу простить вашего слугу, – отвечал он, – но это тайна, в которую посвящены только два человека: я и Далай-лама.

– Да-да, – сказал Нестор Васильевич с легким нетерпением, – но ведь алмаза там уже нет. Следовательно, нет и тайника.

– Это не совсем так. – возразил лама. – Мы верим, что святыня вернется на положенное ей место, и будет помещена в тот же тайник.

Нестор Васильевич поглядел на собеседника с легким раздражением: он не любил, когда его держали за дурака. Впрочем, поймав себя на этом, Загорский постарался успокоиться. Похоже, он и в самом деле стареет, если его выводит из равновесия такая мелочь, как лукавство монаха.

– Но какой же в этом смысл? – спросил он. – Если алмаз уже украли из тайника, значит, он перестал быть тайником. И если алмаз вернется – а я сделаю для этого все возможное и невозможное – то прятать его придется уже в другом месте, не так ли?

Лама в ответ на это только промолчал. Ничего, подумал Загорский, я тебя сейчас расшевелю.

– Юань Шикай выразил свое недовольство тем, что национальная святыня хранилась не в императорской сокровищнице, а в плохо охраняемом монастыре, – сказал он холодно. – Еще больше он недоволен тем, что монахи не уберегли эту великую драгоценность. Боюсь, у него появятся поводы для нового недовольства, когда он узнает, что моему расследованию чинят препятствия.

Однако запугать ламу не удалось, он сохранял все то же безмятежное и одновременно лукавое выражение лица. Да, это не ханец, это настоящий горец, с невольным уважением подумал Загорский и тут же нанес новый удар.

– Неужели вы хотите, чтобы тут все перевернули вверх дном только затем, чтобы найти пустой тайник? – напрямик спросил он у ламы.

Настоятель заколебался. В стране после революции царил бедлам, не хватало ему еще бедлама в монастыре.

– Тайника я вам показать не могу, даже если вы меня убьете, – наконец выговорил он. – Но я готов провести вас по тем местам, где мог быть спрятан камень.

²² Недоговорка – иносказание, имеющее двучленную форму, где вторая часть нередко опускается.

Загорский, поразмыслив, согласился. Он собирался использовать старый трюк фокусников и магнетизеров. Сначала зрителю предлагают незаметно спрятать что-нибудь, а потом ведут его, держа за руку, и по мельчайшим реакциям понимают, где именно спрятан предмет. Правда, задача несколько усложнялась тем, что держать ламу за руку было нельзя, да и сам лама демонстрировал большое самообладание. Тем не менее предложение настоятеля давало Нестору Васильевичу некоторую надежду, так что они незамедлительно пустились в обход монастыря.

Жилые помещения, библиотеку и даже хранилища храмовой утвари Загорский отверг сразу. Кельи монахов слишком часто меняли своих постояльцев, да и всегда была опасность, что кто-нибудь из них случайно обнаружит у себя камень. Библиотека – место слишком посещаемое, там все время кто-то есть, да и где там прятать – среди старинных буддийских трактатов и справочников по медицине? Хранилище храмовой утвари – то место, куда скорее всего придет вор, так что прятать там тоже слишком рискованно.

Загорского не заинтересовал ни павильон Небесных владык с князьями четырех сторон света, ни Колокольная и Барабанная башни, ни четырехметровая бронзовая курильница, отличавшаяся еще в XVIII веке. Решительным шагом прошли они мимо бронзовой горы Сумэру и будд трех миров. На некоторое время Нестор Васильевич задержался возле павильона Таинств, где монахи изучали магические приемы Тánтры, но, мельком глянув на лицо настоятеля, махнул рукой – дальше. Он не поглядел на павильоны Проповедей и Врачевания, и даже зал Колеса закона не привлек его внимания. Так же быстро прошли они мимо резиденции панчен-лам.

– Глупо прятать святыню в доме, в котором почти никто и никогда не бывает, – по-русски объяснил Загорский своему помощнику. – Слишком велик соблазн побывать в таком месте в отсутствие хозяина.

Ганцалин ничего не ответил. Следом за ними так же молча постукивал своим посохом Цзяньян-гоче.

А вот в павильоне Десяти тысяч радостей перед гигантской статуей будды грядущего Майтрейи Загорский остановился и стал придирчиво его разглядывать. Стоящий будда, в самом деле, производил грандиозное впечатление.

– Статуя сделана из цельного ствола сандалового дерева, – с благоговением сказал настоятель. – Высота – 18 метров, и еще 8 метров нижней части уходит в землю. По распоряжению Седьмого далай-ламы Кэлсáнга Гьяцо дерево было доставлено из Индии. Сначала его переправили через перевалы Непала и Тибета, затем из Сычуáни сплавили водным путем в столицу. Перевозка заняла три года.

– Понятно, – сказал Загорский, теряя к Майтрейе всякий интерес, – идем дальше.

– Но это всё, – проговорил лама, разводя руками.

– Всё? – с некоторым сомнением переспросил Нестор Васильевич. От него не укрылся мгновенный, как молния, взгляд, которым обменялись карлик и настоятель. – Действительно все?

Тут наконец раскрыл рот и Ганцалин.

– Там есть еще павильон Сучхэнлóу и зал с демонами, – сказал он хмуро.

– Ах, да, – спохватился лама. – Действительно, есть. Он посвящен Тантре.

– А почему он называется павильоном демонов? – любопытствовал Ганцалин.

– Там есть существа, которых покорил Победоносный²³ и поставил на службу колесу Закона, – с готовностью отвечал лама.

– Точнее, – заметил Нестор Васильевич, – покорил их строитель первого буддийского монастыря в Тибете Пáдмасамбхáва, а уж Будда благосклонно принял этот подарок.

Лама сделал вид, что не слышал этого уточнения.

²³ Победоносный – один из титулов Будды.

Когда они вошли в павильон, Загорский на несколько мгновений замер.

– Да, – сказал он, созерцая выставленных за небольшим ограждением рогатых, хвостатых и зубастых демонов, сделанных из глины, меди и нефрита, – это впечатляет.

Лама как-то слабо улыбнулся.

– Могу я подержать в руках одного из этих... существ? – спросил Загорский.

Лама отрицательно покачал головой, заметив, что все это – очень ценные храмовые предметы. Загорский покивал понимающе.

– Они тем более ценны, что некоторые из них полые, и внутри них вполне может быть спрятана какая-то вещь...

Настоятель посмотрел на Загорского затравленным взглядом. Некоторое время тот неторопливо прогуливался вдоль божков и демонов. Наконец остановился и склонился над одним из них.

– Вот здесь как будто некоторое время назад сдвигали фигурки, – сказал он. – Одну взяли, а на ее место поставили другую. Солнце сюда почти не достигает, однако на дереве остался след – краска вокруг этого демона слегка побледнела и не совпадает с его очертаниями. Сокровище хранилось тут – я прав?

Лама вздохнул – и, как показалось Загорскому, вздохнул облегченно.

– Великий старец, – сказал он, – от вашего взгляда ничто не укроется. Вы нашли тайник сами, моя совесть чиста. Можете спрашивать, что хотите, я на все дам самые подробные и честные ответы.

Глава четвертая. Птичка из вагона-ресторана

Поезд Пекин-Ханькоу неторопливо пробирался на юг через долину реки Хуанхэ. Колеса равномерно постукивали на стыках рельс, облысевшая желтая равнина с пиками невысоких гор на горизонте медленно катилась назад, разворачиваясь в пространстве, как церемониальная ковровая дорожка под ногой императора. Время от времени машинист давал гудок и локомотив выпускал столб пара, который быстро рассеивался в воздухе. В такие минуты поезд казался морским чудовищем – китом или левиафаном, прокладывающим маршрут, но не в воде, а в голубом плотном воздухе.

Добравшись до Ханькоу²⁴, Загорский со товарищи планировал пересесть на пароход и плыть к уездному городу Чэндү в провинции Сычуань – там, где когда-то появился на свет Ганцзалин. Именно оттуда начинался основной и самый длительный отрезок пути. От Чэндү до Лхасы, вероятно, придется ехать на мулах и лошадях, и вот тут-то главным их проводником и станет Цзяньян-гоче. Впрочем, им с Ганцзалином подобные путешествия не в новинку: взять хотя бы их поездки по Персии тридцать лет назад, когда они вывели на чистую воду мятежного Зили – султана.

Пока же Загорский сидел в вагоне-ресторане за самым дальним столиком, задумчиво глядя на поднос с едой: омлет, круассан, жидкий рисовый отвар в пиале, кусочек твердой гуанчжоуской колбаски, ужевать которую можно только стальными челюстями, квадратик сливочного масла и странно пахнущий кофе в малюсенькой фарфоровой чашке. Ехали они в международном вагоне, однако с тех пор, как бельгийцы отдали ветку Пекин-Ханькоу Китаю, всех бельгийских и французских официантов сменили жители Поднебесной. Они же, видимо, составляли и меню. В соответствии со своими представлениями о прекрасном в обычную утреннюю трапезу китайцы впихнули все, что слышали о континентальном завтраке, да еще добавили местных блюд-тхэсэ²⁵.

Впрочем, Загорский был человек опытный, китайские замашки давно его не удивляли. Скорее странно было, что в европейский завтрак тут не добавили лягушачьих лапок или жареных в масле шелковичных червей.

Нестор Васильевич отправился в вагон-ресторан не так позавтракать, как побыть наедине с самим собой и привести мысли в порядок. Из вежливости он, конечно, пригласил в ресторан и брата Цзяньяна с Ганцзалином, но, как и рассчитывал Загорский, те отказались.

– По ресторанам ходить – только деньги на ветер бросать, – неодобрительно заметил Ганцзалин.

– Какая разница, – несколько легкомысленно отвечал Загорский, – деньги все равно не твои, а Юань Шикая.

Но Ганцзалина он не убедил. Тем более, у того был с собой солидный запас, сделанный еще в Пекине: вареные яйца, прессованный доуфу, маринованные овощи, среди которых выделялась королева всех овощей – вонючая редька по-ханчжоуски, и, наконец, многочисленные маньтоу.

– А вы? – спросил детектив у тибетца.

Карлик заявил, что будет питаться запасами Ганцзалина. Тот бросил на брата Цзяньяна изумленный и отчасти озлобленный взгляд, но ничего не сказал. В конце концов, Загорский оставил их вдвоем, взяв с помощника обещание не задевать их тибетского спутника.

– С блохами не воюю, – отвечал ему Ганцзалин и успокоенный Загорский отправился завтракать.

²⁴ В наше время Ханькоу является частью города Ухань.

²⁵ Тхэсэ – местная кулинарная достопримечательность.

Теперь он сидел и разглядывал завтрак, собранный, как сказал бы любитель поговорок Ганцалин, с бору по сосенке, и гадал, с чего начать, чтобы нанести желудку минимальный урон. От кофе он сразу отказался и попросил заменить его чаем, потому что кофе китайцы готовить совершенно не умели и, как полагал Загорский, высокому этому искусству научатся, в лучшем случае, лет через сто.

Он уже совсем было сделал выбор в пользу остывающего омлета, как вдруг внимание его привлекли события, развивавшиеся за ближним к нему столом. Там сидела не слишком юная уже барышня лет тридцати – из тех, кого обычные грубияны называют старыми девами, а грубияны великосветские – синим чулком. Барышня, прямо скажем, была не во вкусе Загорского – вострый носик, торчащий подбородок, быстрые глазки, несуразная шляпка и строгое коричневое, почти монашеское платье без всяких украшений. В целом барышня походила на птичку, случайно залетевшую в вагон-ресторан. Загорский так и окрестил ее – Птичка.

Однако птичка эта уже попала в прицел невесть откуда взявшегося здесь охотника. К ее столику довольно развязно двигался красношей мордатый парень лет тридцати пяти, одетый по моде американского Дикого Запада – коричневая шляпа с загнутыми полями, сапоги с острыми носами, серая хлопковая рубаша, коричневый кожаный жилет и кожаные же штаны с низкой посадкой, опоясанные широким ремнем. Для полноты картины не хватало только кобуры с кольцом.

Откуда здесь взялся ковбой, удивился Загорский. Ковбой, впрочем, сам ответил на этот вопрос.

– Мадам, – сказал он, слегка касаясь рукой своей шляпы, – позвольте представиться: Эл Джонсон-младший, к вашим услугам. Нефтепромышленник из Техаса.

– И что же дальше? – насмешливо спросила барышня.

– Я вижу, дама скучает, так чего бы, думаю, джентльмену не составить ей компанию? – простодушно отвечал ковбой.

– Где вы здесь видите джентльмена? – язвительно глянула на него Птичка.

– Да вот же он, я и есть джентльмен, – улыбнулся американец, без лишних церемоний усаживаясь за стол напротив нее. – Чистокровный, из Техаса, Джонсон-младший, если с первого раза недослышали. Вы что больше любите – скотч-виски или этот самый французский коньяк? Если спросите меня, то я душу продам за джин с содовой, но это, я понимаю, на любителя. Как говорят у меня на родине, со вкусом не спорят. Каких только людей на свете не бывает. Есть даже и такие, которые граппу дуют – и хоть бы им что. – Эл Джонсон-младший помахал рукой официанту. – Эй, как там тебя – фувуюа́нь, дуй сюда, леди будет делать заказ!

Китайский официант в красном шелковом ифу подошел, кланяясь, и застыл в подобострастной позе, ожидая указаний.

– Леди не станет делать заказ, – непререкаемым тоном объявила Птичка. – И будьте любезны, освободите меня от вашего присутствия.

Красношей глянул на нее непонимающе.

– Чего это вы, дамочка, обиделись, что ли? Вижу, недовольны, не пойму только, с чего вдруг. Я ведь как лучше хотел. Не любите виски, так можно и шампанское заказать. Только ведь это все дело-то и тормозит. С виски в два счета можно упиться, а шампанское еще когда подействует. А мы люди деловые, нам эти мерлихлюндии совершенно не нужны, я правильно говорю или как?

Тут Птичка обратилась напрямую к официанту.

– Любезнейший, – сказала она подрагивающим от возмущения голосом, – будьте добры, избавьте меня от этого нахала. И сделайте так, чтобы я больше его не видела, лучше всего – сбросьте с поезда на полном ходу.

Китайский официант молча дважды поклонился ей, потом перевел глаза на Джонсона-младшего и, в свою очередь, дважды поклонился также и ему. После чего застыл, готовый

кланяться бесконечно. Поняв, что от китайца толку не будет, Птичка вынуждена была снова обратиться к американцу и даже возвысила голос.

– Вы меня плохо слышите, мистер Джонсон-младший? Тогда я вам еще раз повторю: оставьте меня в покое!

Джонсон-младший только руками развел.

– Да чем же я вам не приглянулся? Я ведь вроде как со всем моим уважением, а вы меня на ходу с поезда спихнуть решили. Нет уж, дамочка, давайте все, как у людей. Не желаете, чтобы вас угощали – да и ладно, пусть каждый платит за себя. А от разговора отказываться нехорошо, мы тут цивилизованные люди и должны поддерживать друг друга среди обезьян желтопузых.

Барышня в отчаянии обвела глазами ресторан, и взгляд ее упал на Загорского. Нестор Васильевич вздохнул, отложил вилку и салфетку, встал из-за стола и направился к Птичке. Спустя секунду он стоял уже возле ее столика, нависая над ковбоем. Лицо его чудесным образом изменилось и выражало теперь умиление и нежность.

– Дорогая! – воскликнул он. – Вот ты, оказывается, где! А я тебя ищу по всему поезду!

– В чем де... – начала было барышня, но Загорский перебил ее.

– Как тебе здешние разносолы? Уж наверное лучше, чем готовит твоя маменька. А я тебе говорил: Китай – это кулинарная столица мира. Не возражаешь, если я присоединюсь к тебе?

Тут Загорский слегка коснулся плеча американца, сидевшего напротив Птички, и сделал какой-то такой замысловатый пируэт всем телом, что ковбой оказался на ногах, а сам Загорский – за столом на его месте.

– Так это, значит, что – муженек ваш будет? – несколько оторопело спросил ковбой.

– Да, это мой муж, – смерив Загорского быстрым взглядом, заявила Птичка.

– Вон оно что, – разочарованно сказал ковбой. – Никогда бы не подумал. Он уж скорее в папаша вам годится.

Нестор Васильевич ничего не ответил на это неуместное замечание – он весь был поглощен созерцанием новообретенной молодой жены.

– Ну, извините, если что... – пробормотал Джонсон-младший, отступая. – Муж – это мы понимаем и не претендуем, конечно. Как говорится, совет да любовь и все такое прочее...

Он почти уже отошел от столика, как вдруг лицо его изменилось. На нем появилось хитрое выражение, и он погрозил Загорскому пальцем.

– И не совестно вам, мистер? За дурака меня держите! Думаете, я не видел, как вы за тем столом сидели? Что же это вы, ели и не видели, что она тут сидит? И где ваши кольца обручальные, колец-то нет...

Тут голос его изменился и зазвучал угрожающе:

– И вот что я вам скажу, дамы и господа. Кто захочет посмеяться над Джонсоном-младшим, тот спознается с его кулаками.

И он на самом деле сжал и решительно продемонстрировал Загорскому внушительный, поросший рыжим волосом кулак.

Загорский усмехнулся и подмигнул Птичке – та подняла брови от неожиданности.

– Что делать, сударыня, нас раскрыли. Видно, придется во всем признаться. Вы правы, мистер Джонсон, мы решили вас обмануть. Но не вышло. Вы слишком проницательный человек.

Ковбой разулыбался, довольный.

– Да уж, меня так просто не надуешь. Это вы у любого во Фриско спросите, в моем, значит, родном городе: можно ли обштопать Эла так, за здорово живешь? И вам любой скажет – ни в жисть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.